

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК
(Чл.-корр. АН АРМ. ССР)

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И АРМЯНЕ

(Взаимоотношения и мифо- и словотворческие встречи)¹

Связи армян с древней Русью (до образования феодальной монархии) и древней Руси с армянами документально, по письменным источникам, прослеживаются начиная лишь с X—XI вв. н. э. Фактически же связи двух названных миров, вне формального анализа именно письменных источников, могут быть прослежены с глубокой древности, конкретно с т. н. скифо-сарматского периода в истории Руси, совпадающего с периодами господства урартов и дальнейшими вплоть до т. н. „нахарарского“ в истории Армении; причем данные этно- и топонимики и вообще речевой культуры обоих архаических миров выявляют ряд поразительных встреч или, что то же, параллелей (совпадений), которые находят свое объяснение, с одной стороны, в факте насыщенности исторической действительности Армении т. н. „скифизмами“ и „киммеризмами“, а с

¹ Читан в том или ином объеме (полностью или сокращенно) на заседании Кафедры армяноведения Тбилисского Гос. Университета им. Сталина 30. XII. 1941, пятой научной сессии того же университета 13. IV. 1942 (см. тезисы докладов Т.Г.У. Тб. 1942, стр. 73—75), открытом заседании кафедры литературы Тбил. учит. института им. Пушкина 24. IV. 1942, открытом собрании армянской секции Союза советских писателей Грузии 8. VI. 1942 по-армянски и научной сессии Института языка Академии Наук Арм. ССР 24. XII. 1945. Некоторые дополнения внесены к моменту сдачи его в печать. Наша работа по своей целеустремленности и хронологическим рамкам заметно отличается от опубликованных за последние годы в Ереване на арм. яз. брошюр З. Григоряна, М. Нерсисяна, Р. Ованнисяна, Р. Назумян и др.

другой—в культу́ртворчестве по линии единого глоттогонического и мифотворческого процесса.

I

Вторжение скифов—саков, в связи с преследованием киммерийцев, на территорию древней Армении в VIII—VII веках до н. э., как известно, оставило глубокий след в этно- и топонимике Ю. Кавказа, запечатленной, между прочим, классическими (Плиний Старший) и древнеармянскими историками и географами (Фауст Византийский, Ананий Ширакский и пр.) в виде названий с основой „сак“, как, напр., „Си-сак-ан“, „Бал-а-сак-ан“, Sacasani (по Плинию)= „Сак-а-шен“ („Шак-а-шен“ || „Шик-а-шен“), „Сак-стан“, „K'asax“ (ср. позднее и „Казах“) и пр., равно как в наименовании „зок“ насельников древнего Голтана (в составе нынешней Нахичеванской Автономной Республики); причем в связи с этническим термином „сак“, гесп. „ск-иф“, к которому восходят „касог“=„касаг“=„казак“, разъясняется армянское слово *հայկ* hskay (отсюда имя *Սկայորդի* Skayordi) в значении героя, великана, титана, гиганта, исполина, богатыря, силача и пр. В частности, относительно наименования „зок“ не лишено интереса следующее высказывание (от 1922 г.) ак. Н. Я. Марра:² „Зак (←sак) с перегласовкой окающего диалекта, именно разновидность zok сохранилась

¹ Н. Марр, Термин „скиф“—„Яфетический сборник“, т. I, Пгр. 1922, стр. 96—102, 121 (=его же, Избранные работы, V, Лгр., стр. 19—23, 35; его же, Скифский язык,—„По этапам развития яфет. теории“, М. Л. 1926, стр. 336—387, особ. 343. (=Избр. работы, V, 191—223, особ. 195); Л. Меликсет-Бек, К скифской проблеме, в связи с вопросом о саках, каспах и берах,—„Материалы по истории Грузии и Кавказа“, 1937, вып. VII, стр. 535—536; его же „Мегалетическая культура в Грузии“, на груз. яз., Тбилиси, 1938, стр. 11; его же, по поводу нового труда по армянской диалектологии,—„Труды Тбилисского Государственного Университета имени Сталина“, XV, 1940, стр. 39; его же, К истории удин (Uica-atmeniasa)—там же, XXIII, 1942, стр. 81; ср. Я. А. Манандян, Историю, Ереван, 1945.

² Н. Марр, Термин скиф, стр. 100 (=Избр. работы, V, 22); ср. Л. Меликсет-Бек, По поводу нового труда по армянской диалектологии, стр. 37, 39.

как племенное название того армянского ныне племени в пределах древней области Сисакан или Сюнии, которое говорит, поныне также с оканием на одном из наиболее своеобразных наречий уже армянского языка¹, причем, „своеобразие наречия этого, если не сказать языка,—по словам того же Марра,—есть результат гибридизации“.

Палеонтологический анализ термина „с-кол-от“ (Σκόλοτος) в свое время, как известно, привел Н. Я. Марра к выявлению двойника его в Армении, сохраненного в названиях древней области Գողթան Голтан (=греч. Γολθηνή) и селения в ней Աղուիս А-кул-ис, к каковым примерам, по нашему мнению, можно было бы прибавить: „кол-б-яги“ на Руси¹ и Կոլբ Կол-б (Кульпы), Կոլբօփոր Կол-б-о-п'ор в Армении (ср. Կոլ Կол || Կոլ-ա—название района верховьев р. Куры, Կол-хида; и пр.) и мн. др. В связи же с наименованием „киммер“ напрашиваются на соответствующее сопоставление древнеармянские Գամիրք Գамир-к', в значении Каппадокии, и Կումայր Կумайр (ср. позднейшее Գյումրի Гюмри)—древнее название нынешнего Ленинакана (б. Александрополя).

В аспекте единого глоттогонического процесса, вскрываемого методом палеонтологии, но отнюдь не как „заимствования“ в результате пресловутых миграций, выступают перед нами такие *встречи* в этно- и топонимике древней Руси и Армении, как географические названия в основе с элементом „ра“, „ро“ или „ру“: „ра“ (=греч. Ρα)—древнее название Волги и Ռահ Rah—название реки в Армении (по историку V в. Корюну), к которому восходит позднейшее Ե-րա-իս Е-ра-сх || Ա-րա-քս А-ра-кс; „Рос“ (=греч. ρῶς), отсюда „Рось“—Оскол, „Рось“—приток Днепра, „Рось“—приток Нарева, „Роска“ на Волыни, наконец, и „Россия“, и „Рус“, отсюда „Русь“, „русский“ и пр., с одной стороны,² и „У-рас-ту“ || „У-рар-ту“, Այրարատ Айрарат, Արարատ Арарат

¹ Ср. В. Брим, Колбаги,—„Известия Академии Наук СССР“, 1929, стр. 277—285.

² Ср. литературу: Л. В. Падалко, Происхождение и значение имени „Русь“,—Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г., т. I, М. 1914, стр. 357—382; А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского

(ср. греч. Ἀλαρόδιοι по Геродоту, по норме регрессивной диссимилиации в грузинском: Арарод→Аларод), урарт. „Арас-тон-и“, *Ռշտնիք Րաշ-тун-ик* (ср. груз. Э-руш-ети).

Константин Багрянородный и позднее „Повесть временных лет“, как известно, пользовались термином „русь“ для обозначения понятия „дружина“, т. е. дружины русского князя. Но в иных исторических памятниках русскими названы то абхазы (по арабской версии Жития Григория, просветителя Армении),¹ то осы—аланы (по армянскому историку XIII в. Вардану) и пр. Фигурирование же греч. термина ρως в композите Ῥωξολανοί в свое время (в 1926 г.) дало Н. Я. Марру основание надлежащим образом интерпретировать прозвище второго мужа царицы Тамары Давида—„Сослан“ и сына их Георгия—„Лаша“,² из коих первого историк Вардан называет „сыном царя Рузов Сосланом“ (*զարգին Ռզըր Յաջաւորին զՍոսլանն*), потому ли, что он этого Сослана путает с Георгием—Юрием, сыном Андрея Боголюбского, или же потому, что осов—алан, как северян, принимает за русских.

II

Помимо т. н. „скифизмов“ и „киммеризмов“, которыми насыщена историческая действительность Армении, и встреч по линии единого глоттогонического процесса, наблюдаемых в области этно- и топонимики древней Руси и той же Армении, выявлению древнейших связей обоих миров способствуют данные книжной литературы русской и армянской относительно древнейшего градостроительства.

Несомненно, что древнейшим сказом, дошедшим до нас от эпохи т. н. скифо-сарматского периода древней Руси, является легенда об основании тремя братьями города Куара в Армении, сохраненная армянским историком „нахарарского“ периода (V—IX вв.) Зиновием или Зенобом Глаплемени, Пгр. 1919, стр. 67; А. Брим, Происхождение термина „Русь“, Пгр. 1922, стр. 5—10; История СССР, т. I, М. 1939, стр. 90—91, и др.

¹ Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей „лошадь“ и „тризна“, Лпгр. 1924, стр. 18—19 (=О языке и истории абхазов, М.-Л. 1938, стр. 180—181).

² Н. Марр, К определению племенного происхождения Георгия, сына Тамары, — „Известия Академии Наук“, 1926, стр. 473—478.

ком, т. е. настоятелем Гляского монастыря; легенда напоминает собою киммерийскую¹—об основании также тремя братьями города Киева на Руси, дошедшую до нас в изложении древнейшего Киевского свода (от 1039 г., в редакции 1073 г., согласно исследованию акад. А. А. Шахматова) и „Повести временных лет“ (в редакциях 1116 и 1118 гг., согласно исследованию того же ученого).

В изложении упомянутых русских источников киммерийская легенда о построении города Киева представляется в следующем виде:

по др. Киевскому своду

по Повести временных лет

Начало земли Русьте. Быша три братия: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив; сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, куде ныне увоз Боричев, а Щек седяше на друзи горе, куде ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица. И сътвориша град и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь. Бяху мужи мудри и съмыслини, нарицахуся Поляне, от нихъ-же суть Поляне Кыеве и до сего дъне²

Подем же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху Поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим. [И] быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, [и] сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, идеже ныне оувоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица; и сотвориша град во имя брата своего старейшого, и нарекоша имя ему Киев. [И] бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, [и] нарицахуся Поляне, от нихъ-же суть Поляне в Киеве и до сего дне³.

¹ Ср. Н. Марр, Избранные работы, V, 196.

² А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб. 1908, стр. 539.

³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 2-ое учебное издание Постоянной Историко-археологической комиссии Академии

Что же касается легенды о построении города Куара, то таковая в „Истории Таронской области“ армянского писателя Зиновия Глака, считающегося по традиции автором V века, излагается так:

Դեմետր եւ Գիսանէ իշխանք
հնդկաց եւ եղբարք ցեղով եւ փա-
խուցեալք ի Թագաւորէն հնդ-
կաց՝ հալածեցան եւ եկին մին-
չե յաշխարհս Հայոց: Եւ իբրեւ
եկին առ Թագաւորն Հայոց Վա-
ղարշակ՝ ետ նա զերկիրն Տա-
րոնոյ ընդ իշխանութեամբ նո-
ցա, յորում շինեցին քաղաք եւ
կոչեցին Վիշապ. որք եկեալ
յԱշտիշատէ՝ կանգնեցին դուռ-
սըն զայնոսիկ, զոր ի Հնդկս
սլաշտէին: Եւ յետ հնգետասան
ամի ետոյան Թագաւորն զերկո-
սեանն, եւ զտեղին իշխանու-
թեան ետ որդւոց նոցա Կուա-
ռայ եւ Մեղտեայ եւ Հոռեայ:
Եւ շինեաց Կուռռ իւր աւան եւ
կոչեաց յանուն իւր Կուռռս. եւ
Մեղտես շինեաց աւան ի զաշ-
տին եւ կոչեաց Մեղտիս: Իսկ
կրտսերն անցեալ ի գաւառն
Փալունեաց՝ շինեաց անդ աւանս
եւ կոչեաց Հոռանս: Եւ յետ Ժա-
մանակաց խորհուրդ առեալ՝
Կուռռս եւ Մեղտես եւ Հոռեան՝
եկին ի լեառն Քարքէ եւ տե-
սեալ զայն տեղի, զի ընդարձա-
կութիւն էր որոյ եւ հովաքեր
խոտոյ եւ փայտի առատանէն,
շինեցին զնա գաւառակերտ եւ
կանգնեցին ի նմա երկուս կուռս՝
գմբիւն յանուն Գիսանեայ եւ
գմբիւն յանուն Դեմետրեայ, եւ

Деметр и Гисанэ были кня-
зья индов и братья племена-
ми. Будучи изгнаны царем
индов, они подверглись пре-
следованию и достигли Ар-
мении. И когда они явились
к армянскому царю Валар-
шаку, последний предоста-
вил им во владение Тарон-
скую область, где они по-
строили город и назвали
онный Вишапом. Придя затем
из Аштишата, они поставили
тех идолов, которых почита-
ли [будучи] в Индии. Спу-
стя пятнадцать лет царь [ар-
мянский] убил их обоих и
владения [их] предоставил их
сыновьям Куару, Мелтею и
Хори. И построил Куар посе-
ление и назвал его своим
именем Куарк'. И Мелтес по-
строил поселение на поле и
назвал Мелтик'. А младший,
перейдя в область Палуидев,
построил там поселения и
назвал Хоранк. И по проше-
ствии времен, посоветовав-
шись [меж собой], Куар,
Мелтес и Хория взошли на
гору К'арк'э и нашли там
место, просторное для охо-
ты, с колыханием травы, и
изобильное деревьями, по-

Наук СССР, Лягр. 1926, стр. 8—9; ср. А. А. Шахматова, Повесть вре-
менных лет, т. I—, „Летопись занятий Археологической Комиссии“, вып.
29, Пгр. 1917, стр. 8—9.

ბათქი რ იუშიშერქი რქი ზი-
გუ ჟუჟი რქიშუ¹

строили там поселение и по-
ставили в нем двух идолов:
одного по имени Гисанэ и
другого по имени Деметр, и
предоставили в служение им
свой народ.²

Касаясь киммерийского сказа о построении города
Киева „в изложении русской летописи“, акад. Н. Я. Марр
находил, что „для исследователя исторической жизни Рос-
сии это, повидимому, мало на что пригодная легенда, но
для до-истории не только России, но и всего Средиземномо-
рья, это—одно из ценнейших племенных преданий Понтий-
ского района“, и „она тем более возбуждает именно ре-
ально-исторический, народно-исторический интерес, что ее
параллель рассказывалась еще в IV—V вв. на берегах Ван-
ского озера в Армении“: эту параллель „использовал ар-
мянский историк Зеноб Глак,³ по традиции—писатель V в.,
а по научному определению писатель как будто VII в.“,
причем „сама легенда своим существом, обстоятельным
ядром, восходит ко временам значительно более древним,
чем IV—V в. по Р. Х.“⁴

Правда, „армянский историк племенное предание свя-
зал с деяниями армянского царя Вагаршака“ и „предание
о событиях подлинной прото-истории и до-истории края,
значительно позднее сконструированной, внес в рамки
книжной до-истории Армении“, но ведь аналогичное явле-
ние наблюдается „с использованием племенного предания

¹ ზერე უაშინქანი ლერქი შაროი, ერ ჯიქი ჳინორ, 4. ჟიქი,
1719, էջ 68—69. Յովհան Գաբրիելյան, Պատմութիւն Տարօնոյ, Երևան. Աստ
Մրցադարձ, Երևան, 1942, էջ 107—109:

² Ср. Н. Я. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси
и Куара в Армении, — Изв. Рос. Акад. ист. мат. культ., т. III, 1924, стр.
80 (=Избранные работы, V, 60).

³ О Зенобе Глаке см. Л. Меликсет-Бек, Общий очерк армянской
литературы IX—XI вв., на груз. яз., — сборник «Сасунский Давид», Тбил.
1939, стр. 61; его же, История древнеармянской литературы, на груз.
яз., Тб. 1941, стр. 113—114, 87.

⁴ Н. Марр, „Книжная легенда об основании Киева на Руси и
Куара в Армении“, ц. изд., стр. 271—272 (=Избр. работы, V, стр. 54).

о Кие, Щеке и Хориве" и „в сообщении русской летописи, с перенесением доисторического события на момент основания исторического Киева, собственно на момент создания центра в издревле населенном пункте с древним названием Киев или Куи-ав".¹

В армянской книжной легенде „часть, представляющаяся параллелью к русской книжной легенде, ее явно генетическим двойником,—выражаясь словами *Н. Я. Марра*,—поражает совпадением не только отдельных конструктивных деталей, числа и имен героев, их деяний, но и описанием природы".²

<i>По русскому источнику</i>	<i>По армянскому источнику</i>
На горе... бяше около града (Киева) лес и бор велик, и бяху ловяще зверь.	На горе К'аркэ... нашли... место, просторное для охоты, с колыханием травы, и изобильное деревьями.

Оба сказа, и киммерийский (в изложении русской летописи), и армянский, помимо упоминания строительства городов „Кы-ев" (= *Kioʒz*, Ку-яба) в одном случае и „Ку-ар" в другом, и деяний трех братьев „Кий", „Щек" и „Хорив" с одной стороны и „Куар", „Мелте" и „Хори" (Хореан) с другой, имеют точки соприкосновения особенно в указании роли той племенной среды, в которой градостроителям так или иначе приходилось подвизаться: это—„поляне" по русскому источнику и „палуны" или „палунцы" по армянскому, в чью страну проникает своим строительством Хори или Хореан; причем это племя упоминается и в Сардуровой клинообразной надписи VIII в. в соответственной (урартской) форме *Pul-ua*(→*Pol-ua*).³

С другой стороны, оба сказа в известной мере расходятся друг от друга, причем „основное различие сказа о самих героях,—выражаясь словами *Н. Я. Марра*,—в том, что в армянской легенде еще не утрачена деталь были,

¹ *Н. Марр*, Книжная легенда, стр. 279 (=Избранные работы, V, 59—60).

² Там же, 281 (=Избр. раб., V, 61).

³ *Н. Марр*, там же; ср. *Н. Марр* и *И. Орбели*, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, Пгр. 1922.

братская связь героев племенами, ведь это три племени¹ — куи или скифы, мелы или миды, хормы или армяне, тогда как в русской легенде это единоутробные братья².

Как бы то ни было, в результате сравнения русского и армянского сказов относительно деяний трех братьев на Руси и в Армении, *Н. Я. Марром* установлено: во-первых, „у армян и у исторически обрабатывавшего до-историю, собственно лефо-историю (забытую историю) Украины, Нестора, самого ли летописца Руси или, то безразлично, пусть позднейшего интерполятора, оказались сродные легенды о построении первых городов, в Армении Куара, точнее Ковара (Ko-var), на Украине — Киева, что в арабской записи — Куяба“, и, во-вторых, „легенды те в основе отнюдь не плоды книжного сочинительства“, поскольку „в них вскрылось наследие от так называемых доисторических насельников и того и другого края“³. В конечном результате относительно Киева *Н. Я. Марр* высказался следующим образом: „Ki+e-v или Киу+а-в — город, разумеется, город сказания, перенесенный на русский Киев, есть насаждение киммеров“⁴.

Коротко говоря, „армяне наравне с русскими сохранили в своих сказаниях о первом национальном строительстве, армяне в сказании о построении Куара, русские — в сказании о построении Киева или Куяба, легенду... киммеров“⁵.

¹ Ср. указание арабско-мусульманских писателей, что Руссы делились в их время (IX—X вв.) на три главных племени. Ср. *Вл. Пархоменко*, Начало христианства на Руси, Полтава, 1913, стр. 44.

² *Н. Марр*, Книжная легенда, стр. 281 (=Избр. раб., V, 61).

³ *Н. Марр*, Яфетические зори на Украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье-Красном Солнышке), — „Ученые Записки Института этн. и нац. культур. народов Востока“, I, Ранион, М. 1930, стр. 6—7 (=Избр. работы, V, 227).

⁴ *Н. Марр*, Скифский язык, — „По этапам развития яфетической теории“, стр. 335 (=Избр. работы, V, 196).

⁵ Там же, ПЭРЯТ, 343 (=Избр. раб., V, 195); ср. также: Ы. Ушп., Հայկական ժողովրդի նրա արժանեքը և նախապատմական կյանքը ըստ լեզվաբանության, Պարիս, 1925 (=Н. Марр, Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания, — „Язык и история“, 1, Лигр. 1936, стр. 82—83).

Много сходных черт выявляет армянский героический эпос по четырем коленам, объединенный в единый цикл под названием „Давид Сасунский“, с древнерусской былинной литературой преимущественно Киевского цикла. Недаром в связи с обработкой эпоса „Давид Сасунский“ (1902) великий армянский поэт *Ованес Туманян*, вслед за переводом пушкинговской „Песни о Вещем Олеге“ (1899), дал в блестящем армянском переводе лучшие образцы русских и сербских былин, как-то: „Борьба Ильи Муромца с князем Владимиром“ (1908), „Святогор“ (1913) и „Марко Кралевич“ (1915—1916). Но Давид Сасунский—это тот же Илья Муромец, а Мхер Младший—тот же Святогор русских былин.

„Сходство героического эпоса армянского с былинами Киевского периода огромно“,—говорил акад. *П. Тычина* в своем выступлении на юбилейном пленуме Союза советских писателей СССР, посвященном 1000-летию эпоса „Давид Сасунский“, в Ереване, в сентябре 1939 г.; причем „сходство это можно видеть и в темах (змиеборство, выкорчевывание леса), и в образах (золотое яблоко, молодильные источники), и в отдельных приемах поэтических“.¹ В частности, эпизод из армянского эпоса, где описывается сон Давида, сон перемежающийся, тревожный, сквозь который он все думал напряженно, как бы не допустить в родную землю Змия заклятого, напоминает бодрствование Ильи Муромца из былинны „Камское побоище“. В общем же, родство богатырей киевских былин с богатырями армянского эпоса идет по линии борьбы со Змием, с Идолищем поганым, и победы над ним. Для достижения же этой цели каждый раз богатырям приходится „обновлять силы свои, испив воды молодильной из реки или же источника всесильных“; причем среди русских богатырей оказывается и такой, именно Добрыня Никитич, „который не только пьет воду из реки, но еще и купается в ней, то-есть: все на себя принимает истоки, выходящие из глубин матери земли“.²

¹ См. его Речь в газ. „Коммунист“ (Ереван) 1939 г. 20. IX, № 217.

² Там же.

Как давно (1898) уже отмечено проф. Г. А. Халатянцем, „сын Давида Мхер... имеет сходство с титаническим Святогором русских былин: как и его русский двойник, он обладает чрезмерной силой, которая тяготит его и также не держит его земля и ноги его уходят в землю“, причем „подобно Святогору, он также живет в горе“.¹ Жеребенок Давида Куркик-Джалали соответствует „косматому бурушке“ Ильи Муромца: жеребенок предан своему хозяину и предупреждает грозящую ему беду, но всадник, не догадываясь о западне и разгневавшись на жеребенка, который упрямится в виду скрытых подкопов, укоряет его и попадает в подкоп. Далее, и Давиду, и Илье Муромцу свойственен обычный прием расправы богатыря—раздирание на полы.² Но поединок Давида с великанами Шибиканом Хорасанским и Гамзою Лорийским, которые начали биться-рубиться булавами и луками целый день до вечера, и которых Давид схватил и отсек головы и повез с собой, напоминает борьбу Алеши Поповича с Тугарином Змеевичем, происходившую на палицах, на копьях и саблях и продолжавшуюся долго-долго: как и в армянском эпосе, Алеша отрубает Тугарину „буйну голову“ и „везет ее князю Владимиру“.³

Встреча Давида, после поединка, с Хандут'-хат'ун, которая, переодевшись мужчиной, выехала навстречу Давиду, напоминает встречу Дуная Ивановича с татаринном: „только победив его, Дунай узнает, что это—знакомая ему Настасья Королевична, переодевшаяся татаринном“; причем „обрадованный Дунай везет ее в Киев венчаться с ней“.⁴ Рождение Хандут'-хат'ун сына Мхера Младшего, несчастный конец Давида Сасунского, убитого стрелой, и жены его Хандут'-хат'ун, с отчаяния бросившей себя с башни, напоминают детали русской былины: рождение Настасьей

¹ Г. Халатянц, Давид Сасунский. Образчик армянского народного эпоса,—„Братская покаяние пострадавшим в Турции армянам“, под ред. Г. А. Джаншиева, 2-ое изд., М. 1898, стр. 66.

² Там же.

³ Там же, 77 и прим. 1.

⁴ Там же, 77 и прим. 2.

сына, будущего богатыря, „которому не будет сопротивления“, трагическую смерть Настасьи, убитой из лука Дунаем, и самоубийство последнего с отчаяния“.¹ Наконец, остается еще указать, что деталь армянского эпоса, согласно которой Давид, обладающий неимоверной силой, бороздил землю громадным плугом, напоминает соответствующую картину из русской былины, связанную с Вольгой Святославичем“.²

Таковы в общих и основных чертах встречи эпоса „Давид Сасунский“ и русских былин,³ которыми, конечно, отнюдь не исчерпывается перекрещивание русского фольклора с армянским.

Действительно, в целях полноты суждений по затроутому в данной главе вопросу не мешало бы вспомнить следующее высказывание акад. И. А. Орбели относительно Владимира-Красного Солнышка: „Имя Митры в большом многообразии языковых разновидностей распознается и в пехлевийском, и персидском *mīhr*, означающего и солнце, и любовь, и в составе армянского языка, в родных армянских формах *Mēhr*, *Meh* и в заимствованной из Ирана форме *Mīhr* и славянском *mīr*, звучащем в имени Красного Солнышка-Владимира, стянувшего к своему столу лучших богатырей древней Руси“.⁴

Наконец, большого внимания заслуживают апокрифы и сказания, из коих в одной—в повести „о Бове Королевиче“—налицо любопытные упоминания приморского „армянского царства“, к которому приплывает „корабль“ (разумеется, очевидно, Киликийское царство).

IV

К последней стадии т. н. скифо-сарматского периода

¹ Там же, 77 и прим. 2.

² Там же, 74 и прим. 1.

³ Помимо указанной в предыдущих примечаниях специальной литературы вопроса см. также: Пески, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I—III, М.: 1861, 1862, 1864.

⁴ Давид Сасунский, Армянский народный эпос. Под редакцией и с предисловием акад. И. А. Орбели, изд. Акад. Наук СССР, М.-Л. 1939, стр. XXIII; то же, изд. Госиздата Армении; Л. Меликсет-Бек, История древнеармянской литературы на груз. яз. Тб. 1941, стр. 36, 47.

в истории Руси, совпадающей с т. н. „нахарарским“ периодом в истории Армении (V—IX вв.), следует отнести проникновение в лексику древнеармянского языка русского слова „сало“ (*սալոյ*) в значении *жира, жирового вещества, жировой массы*, которому в современном армянском языке соответствует *շարդ, ճրճղ*. Слово это налицо в описании хазарской трапезы VII века, сохраненной в „Истории Албании“ (II, 14) армяно-албанского историка VII века Моисея Каланкатуйского (Каганкатвац), дошедшей до нас в редакции X в. другого армяно-албанского историка Моисея Дасхуранского.¹

У Моисея Каланкатуйского речь идет относительно того пира, который был устроен хазарами после разгрома Тбилиси, в окрестностях албанской столицы Партав (= Барда «Берда»):

Անդ տեսար զբազմոցս նոցա
ի գուն ի վերայ ծնկաց ըստ
նմանութեան փաղանդաց ծան-
րարեռն ուղտուց. իւրաքանչիւր
կոնք մի լցեալ մտով յանսուրբ
անասնոց. ընդ նմին եւ սկսեղդ.
յորում թանային յուտելն իւ-
րեանց յաղաջուր. եւ գրծակս
եւ զրմպիւս արծաթեղէնս քան-
դակունս յսկի համակեալս—
զորս բերեալ էին յաւարէն
Տիգրեաց. ընդ նմին եւ զրմպոցս
եղջերեղէնս եւ շորոմածեալ փայ-
տեղէնս մեծամեծս. որով զան-
դանակն լափէին. եւ նովին պա-
րարտակամ սաղոյց անլուայ ազ-
տիւքն յարկոռն յանգգայս ի
միոյ բաժակէ երկու երկու կամ
երեք երեք ի նոցանէ զանապակ
զինին կամ զկաթն ուղտուցն եւ
ձիոցն յանյագ որովայնս իւ-
րեանց իրբեւ ի տիկս ուտու-
ցիկս լափէին: Ոչ աւրինաւոր
մատուակէք էին տաջի նոցա,

Там мы увидели восседа-
ния их (хазар), склонившихся
на коленях подобно карава-
ну тяжелоношных верблю-
дов, каждого с миской, пол-
ной мяса от нечистых живот-
ных; при мисках и чаши с
соленой водой, куда макали
куски, когда они ели, также
серебряные кубки и сосуды
для питья с резьбою, цели-
ком [отделанные] золотом,
которые принесены были ими
из Тбилисской добычи; вме-
сте с тем и громадные сосу-
ды для хлебания роговые и
тыквообразные деревянные,
которыми они лакали взвар.
С той же неотмытой грязью
жира-сала на губах они по-
два и по три [пили] из одно-
го и того же кубка, и бес-
чувственно наполняли сверх
краев ненасытные свои чре-

¹ См. литературу, обозначенную в прим. 3 на стр. 103.

նշ ապաւանորդ է թիկանց կողմանէ եւ ոչ անգամ որդւոյ թաղաւորին. բայց զինաւորք որք որդւոն նորա պահէին շուրջանակէ ապարաւակ նիզակախիտ զոռւշուկեամբ.¹

ва цельным вином или молоком верблюдиц и кобыл, как вздутые бурдюки. Ни виночерпиев не было перед ними по ритуалу, ни слуг за их спинами, даже у царевича, а были только войны с чащею пик, чутко охранявшие дверь сомкнутыми в круг щитами.²

Давая оценку использованному Моисеем Каланкатуйским термину „сало“ (*սաղոյ*), Н. Я. Марр в 1924—25 гг. писал: „При современной разработанности или, вернее, неразработанности вопроса о русско-кавказских бытовых связях у нас нет данных, чтобы значение термина „сало“ выносить за пределы простых заимствований из русского в албаноярмянскую речь. Какого бы происхождения оно ни было, слово „сало“—русское, это факт бесспорный“. При этом тот же ученый считал, что „вопрос все-таки сложный, как объяснить появление русского слова „сало“ в армянской речи писателя Албании“, т. е. „через хазар ли, находившихся „в состоянии особого сплетения с Русью“, или непосредственно от русских, которые на Кавказе могли появляться первоначально и под названием хазар“. Как бы то ни было, „в том и другом случае странствование слова пришлось бы связать с военными походами или товарообменом, если не наличием еще тогда русской колонии в Албании“; причем „все это пути реальных возможностей при условии, что термин „сало“ заимствованное из русского слово“.³

Положение, выдвинутое Н. Я. Марром о том, что русские „на Кавказе могли появляться первоначально и под названием хазар“, весьма остроумное и, к тому же, реальное,

¹ Պատմութիւն Աղուանիդ, т. I, изд. К. Шаһназаряна, Париж, 1860, стр. 272—273; изд. Эмина, Москва, 1860, стр. 125—126 (=Тбилисское изд. 1913, стр. 182).

² Н. Марр, По поводу русского слова „сало“ в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века. (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях).— „Тексты и разыскания по кавказской филологии“, I, Лгвр. 1925, стр. 74 (=Избр. работы, V, стр. 73).

³ Н. Марр, и. с., стр. 122 (=Избр. работы, V, 111).

поскольку в глазах аборигенов Ю. Кавказа насельники территории севернее Кавказского хребта—аланы, хазары, кипчаки, половцы, „варяги“ и пр. часто слыли за русских. Так обстоит дело, по нашему мнению, и с печенегами, которые в армянских источниках именуются то „печенек“-ами (*պիճնեկ*), как читаем у историка XIII в. Вардана (гл. 61), то „пицак“-ами (*պիճակ*) или „пицанк“-ами (*պիճանկ* || *պիճանկ*); как читаем в армянском прологе о Борисе и Глебе; хотя, впрочем, термин „пицак“ (*պիճակ*), как нарицательное слово, обозначает и осу (насекомое).

Расцвет армянского миниатюрного искусства в киликийский период истории Армении (XI—XIV вв.) связывается с деятельностью Саргиса по прозвищу Пиц'ак (*Պիճակ*), которым иллюстрированы рукописи с датой 1320, 1336, 1338 и 1352 гг. Однако, прозвище Пиц'ак по сей день служит источником для мало вероятных легенд вроде того, какую приводит А. Н. Свирин, что мол „Пицак в детстве однажды нарисовал севшую на окно осу так хорошо, что видевшие принимали ее за живую, потому отец прозвал его Пицаком (осой)“ и „это прозвище осталось за ним (Саргисом) на всю жизнь“.¹

Возведение прозвища Саргиса „Пиц'ак“ к созвучному армянскому нарицательному слову в значении „оса“, по нашему мнению, способно затушевать факт большой исторической, вернее культурно-исторической важности, именно—развитие армянского декоративного иконописного и иллюстративно-миниатюрного искусства в тесной связи с византийским, грузинским и древнерусским искусством, поскольку иконописцами и миниатюристами в Киликии подвизались мастера не только из армян, но и из ближайших и отдаленных соседей, в лице греко-византийцев и, пожалуй, русских, а в городе Ани и армяно-грузинских халкедонистских монастырях Северной Армении и из грузин, расписывавших таковые *[իստորիկ]*. В частности, русских, выступавших в такой роли, армяне могли называть „печ'енек“ (*պիճնեկ*) или „пицак“ (*պիճակ*), resp. „пиц'анк“ (*պիճ-*

¹ А. Н. Свирин, Миниатюра древней Армении, М.-Л. 1939, стр. 75.

ծանկ) || „пиц'анг“ (սիժանկ). т. е. прозвищем, в данном случае видовым для обозначения *северянина* вообще.

Таким образом, если заимствование из русского языка в армянский слова „сало“ в виде սալոյ может быть определено и точно датировано VII веком, то проникновение этнического термина „печенег“ в форме սիժանկ = սիժանկ или просто սիժանկ в армянскую лексику должно быть приурочено ко времени не ранее конца XII века, когда имело место переложение на армянский язык проложного сказания о Борисе и Глебе, в форме же սիժեհեհկ — в XIII веке в Истории Вардана.

И в том, и в другом случае социальной базой для внедрения в армянскую лексику этого последнего термина должна была быть, конечно, приморская (Киликийская) Армения, которая мыслится в повести о Бове Королевиче.

V

Армяне, заимствуя отдельные слова из русского, в долгу пред Русью не оставались.

Насколько при современном состоянии разработки истории русско-армянских (или армяно-русских) отношений можно говорить, некоторые термины шелкоткацкого обихода могли проникнуть в славянские страны и, в первую очередь, в Поволжье, в связи с экспортом с Ю. Кавказа, в частности из Армении, ковровых и шелковых изделий — вообще ткани. К тому же, Армения, а не какая-либо иная страна в ближайшем окружении славянского мира, считалась главным поставщиком Красной краски, добывавшейся из кошенили или кириза.¹

Основываясь на материалах, опубликованных В. Лозинским, проф. И. А. Линниченко замечал: „В Южной Руси и Польше до того привыкли видеть армян в исключительной роли торговцев восточными товарами, что целый ряд

¹ Г. Гаммель, Об Араратской кошенили, — „Журн. Мин. Внут. Дел“ 1835 г., июль, стр. 192—197; то же в издании: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, Москва, 1938, стр. 391—438; А. С. Аветян, К вопросу о кошенили в Армении, — „Известия Армфака“, № 4—5, Ереван, 1940, стр. 231—237; ср. և. Մելիքաբ-Ռեկ, «Հայաստանում կարմիր գրանի ներկի արտադրության պատմությունը», — «Ցեղեկագիրք ՀՍՍՖ Զ. Ա.», 1945, № 7—8.

подобных восточных продуктов носил прямо название „армянского товара“.¹

Арабский путешественник X века Ибн-Фадлан в своем описании путешествия к приволжанам как-то отмечает, что „юрта царя (их) очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части *армянскими коврами*“.² А чувашки Поволжья до сих пор называют шелк „ермен пурсан(е)“ или „елмен курсан(е)“, т. е. *армянским шелком*.³ Недаром армяне, поселившиеся в Астрахани, в 1619 г. „заключают с Московским правительством специальный договор о торговле, главным образом, шелком-сырцом“, причем факт этот *Н. Я. Марром* квалифицируется как жизненно интереснейший, „как путеводная нить к реалиям прошлого, когда особенно бытовая речь приволжан вскрывает более давнее и более глубокое влияние армян в этой отрасли торговли“.⁴ И потому тому же *Н. Я. Марру* „представляется преждевременным решение вопроса о происхождении термина «шелк», как заимствования из герм. *silke*, пока не выяснено происхождение основы армянских слов *шег-ас* и *шег-ат*, одинаково означающих шелк, и связь их с яфетическими основами... мегрело-чанской *шuаlа*—*гшuаlа* 'ткать', груз. *qsel* 'основа ткани' и др“.⁵ С этой же основой связывается *Марром*, между прочим, и русск. „червь“.⁶ За-

¹ И. А. Линниченко, Общественная роль армян в прошлом по Западной Руси,—„Чтение в Историческом Обществе Нестора-Летописца“, кн. IX. Киев, 1895, стр. оттиска 1—10 (то же на армянском яз., „*Երանանքի և պատմական հանդես*“, 1894, стр. отт. 1—22); Ср. *Մ. Մովսեսյան, Մովսեսյան համարարանի պրոֆ. Ի. Լիննիչենկոյի զեկեղանքը հայերի մասին, և «Արմաշանը» 1891 թ. 29/IV, № 48*.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И. Ю. Крачковского, М.-Л. 1939, стр. 73.

³ Б. В. Миллер, Об армянских надписях в Болгарах и Казани,—„Известия Рос. Акад. ист. мат. культ.“, т. IV, Лигр. 1925, стр. 79, прим. 2.

⁴ Н. Марр, По поводу русского слова „сало“ в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века,—„Т. и Р. по Кавк. филологии“, I, стр. 110—111 (=Избр. работы, V, 102).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

сим, в качестве „терминологического свидетельства“ товарообмена „с Кавказа на север, со внесением кавказского термина в русскую речь“, привлекается наблюдение из числа „давно сделанных *И. А. Орбели*“ и ставших известными *Н. Я. Марру* „из личной беседы“ (впрочем, до сих пор еще не обнародованное) „касательно армянского названия ‘ковра’ — *karpet*“.¹

В данный момент в нашу задачу вовсе не входит обсуждение вопроса о происхождении терминов „шелк“ и „ковер“. Следовало бы только отметить, что проф. *Р. Ачарян* считает арм. „шер-ас“ (*շեր-աս*) „заимствованным словом“, однако, как он выражается, „неизвестно из какого языка“ (*գիտնական ըստ է, բայց հայտնի չէ որ լեզվից*).² Сопоставление же арм. „шер-ас“ || „шер-ам“ с греч. *σέρικος* и латин. *serikus* (отсюда франц. *séricicole* в значении *шелководственный*), а также с венгерскими *selyem*, которое *Patribanu* возводит к армянскому,³ способно выявить тяготение рус. „шел-к“, именно с шипящей основой, к арм. „шер-ас“ „шер-ам“. Что же касается термина „ковер“, то таковой, по нашему мнению, вряд ли может быть увязан с русским же „кров“ (крыть), „покров“ (покрывать), „кровля“ и т. п., или французским *couvert*, *couverture* и пр.; между тем как, согласно исследованию проф. *Р. Ачаряна*,⁴ весь комплекс созвучных с армянским слов в ряде западно-европейских языков, как-то: англ. *carpet*, др. франц. *carpite*, франц. *carpette*, герм. *karpet*, итал. *carpita*, венгр. *kárpit*, серб. *karpit* || *krepéta*, лат. *carpita*, восходит к армянскому диалектному „карпет“ (*կարպիտ*), являющемуся ни чем иным, как разновидностью, полученною в результате метатезиса от „каперт“ (*կապիտ*).⁵ Все сказанное относительно рус. „ковер“ в равной степени касается аналогий из прочих славянских языков, как-то: украин. *kòver* || *koveres*, чеш. *koberes*, польск. *kobierrec*, болг. и серб. *guber*, (ср.

¹ Там же и прим. 4; ср. газ. „Коммунист“ 1944 г. № 94.

² Հր. Աճառեան, *Հայերէն արժանազան բառերն*, V, 326.

³ Sprachwissenschaftliche Abhandlungen, I, 224.

⁴ Հր. Աճառեան, *op. cit.*, III, 986.

⁵ Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, I B., Heidelberg, 1924. S. 592.

Что же касается точек соприкосновения армянского и русского языков, то голая фиксация таковых вне *исторической перспективы* в рамках данной работы была бы лишена смысла. Однако, пользуясь случаем, нам хотелось бы отметить некоторые моменты, когда армянский язык, выражаясь словами покойного проф. Л. Г. Лопатинского, „подошел близко к русскому“, что то же, но обратной формулировкой—когда русский язык подошел близко к армянскому. Это, во-первых, отмеченное тем же Л. Г. Лопатинским совпадение в словообразовании при помощи одного и того же суффикса *-ец* для обозначения происхождения:² в армянском „ере-ван-ец-и“ = русск. „ереван-ец“, арм. „тбилис-ец-и“ = русск. „тбилис-ец“, арм. „ширак-ец-и“ = русск. „ширак-ец“ и пр. Далее мы имеем в виду предложенную покойным акад. Н. Я. Марром этимологию русско-украинского слова „жур-ч-ать“ = „дзюр+ч-ти“ средствами армянского языка, где налицо, с одной стороны, „джур“ (*ջւր*), т. е. в шипящей форме, для обозначения *воды*, и с другой, добавим от себя, „дзор“ (*ձոր*), т. е. в свистящей форме, для обозначения *ущелья*, в противоположность „hur“ (*հւր*), означающему *огонь* (ср. в баскском „шур“—*огонь*, „hur“—*вода*, в кельтском „дур“—*вода*).

Не менее интересно сходство принципов образования инфинитива в русском и армянском (грабаре) по пятиглас-

¹ Зг. Սիմոնյան, op. cit. III, 986—987. Ср. Н. В. Горлев. Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис 1896, с. у. И. И. Оргиенко, Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915. Харьковское О-во распространения в народе грамотности. Языкознание и история литературы. Москва, 1914, стр. 204.

² Л. Г. Лопатинский, Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование.—Труды XII Археологического съезда в Харькове, т. II. М. 1905, стр. 444—445, по оттиску стр. 8—9; то же—„Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, вып. XXXI, 1902, отд. III, стр. 50: *его же*, Суффиксы русского языка, образовавшиеся под влиянием кавказских языков.—там же, [вып. XXXVIII, 1908, отд. III, стр. 31.

ной системе: ать, еть, ить, оть, уть—с одной стороны, и ш₁, б₁, р₁, п₁, м₁ с другой, а также суффиксов на „к“: с огласовкой на те же 5 гласных: ак, ек, ик, ок, ук—ш₁, б₁, р₁, п₁, м₁.

На таких же встречах, как Ара и яр-Ярило, которые нас заводят в глубь веков, к эпохе тотемистических представлений, я тут не касаюсь, поскольку этот вопрос блестяще проработан Г. Капандяном,¹ имеющим намерение вновь вернуться к таковому в специальном исследовании.

VI

Упоминания русских в армянских источниках конкретно встречаются лишь с X века, упоминания же армян в русских источниках—с начала XI века.

Тут, кстати, было бы вполне уместно отметить, что и „в грузинских памятниках,—как установлено доц. Я. Цинцадзе,—понятие „русский“ и „варяг“ или „варанги“ не встречается ранее XI века“, поскольку „эти термины в связи с определенными историческими событиями упоминаются анонимным автором „Летописи Картли“ и Сумбатом, сыном Давида в сочинении „История Багратидов“ и поскольку „авторы обоих сочинений жили в середине XI века“.²

Моисей Дасхуранский—это первый по времени автор, который в армянской исторической литературе сохранил упоминание „рузик“-ов³ или просто „руз“-ов. Он—автор III книги и одновременно редактор всех трех книг „Истории Албании“, дошедшей до нас под автентичной Моисея Каланкатуйского (Каганкатвацци);⁴ жил в X веке. Он интересен

¹ Աղադ. Գր. Ղափնջյան, Արա Գեղեցիկի պատմականը, Երևան, 1944, էջ 77—96.

² Ясе Цинцадзе, Сведения о России в грузинских источниках и о Грузии в русских источниках, XI, XII, XIII вв., на груз. яз.,—„Известия Института яз. ист. и мат. культуры имени Н. Я. Марра“, т. IV, в. 2, Тб. 1938, стр. 13.

³ „Ружик“—этнический термин, образованный при помощи суффикса -ик, как, напр. парсик (պարսիկ) перс, индик (հնդկ) индиец, тагик (տաгիկ) таджик или турок, германик (գերմանիկ) немец, хужик (խուզիկ) хузистанец; ср. также рамик (րամիկ) простолюдин, греик (գրիկ) мужик, останик (ուսանիկ) востаник=дворянин, рус. мужик и пр.

⁴ См. прим. 3 на стр. 108.

тем, что в одной из глав (22) заключительной части „Истории Албании“ дает описание похода рузов, т. е. русских, на столицу Албании Партав (=Барда, Бердаа) в 943—944 гг., каковой поход запечатлен, между прочим, и в описании арабского писателя того же X века Ибн-Мускавей;¹ между тем как другие арабские авторы, как, напр., ал-Масуди, Якут, Ибн-ал-Атир и др., более подробно останавливаются на истории похода тех же рузов, имевшего место в 912—913 гг.²

Вот это описание похода рузов на Партав в 943—944 гг.:

... բարձր ի կողմանցն հիւսիսոյ
այլաբնո օտարանշան ազգ իմն,
որ Ռուզիկ կոչեն, որք ոչ ահե-
լի քան գերիս ժամանակս իր-
քեւ գորրիկս ընդ համառարած
աշխարհածով ելիցն կարից յան-
կարժ հասանէին ի մայրաքա-
ղաքն Աղուանիցի Փարտավ, որ ոչ
ուստիք ընալ կարողութիւն ընդ-
դիմակալիլ նոցա...³

... нагрянул с севера некий
странный и чуждый народ,
который называют Рузиками,
которые не более, чем три
раза подобно вихрю распро-
странившись по всему Кас-
пийскому морю, внезапно до-
стигли столицы Албании Пар-
тава, который не имел воз-
можности оказать им (Рузи-
кам) сопротивление.⁴

¹ А. Якубовский, Ибн-Мускавей о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г., — „Византийский Временник“, т. XXIV, Лигр. 1926, стр. 63—92.

² См. литературу: В. Григорьев. О древних походах руссов на Восток, — „Журнал Мин. Нар. Просв.“, 1835 г. № 2, стр. 229—287; Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.), собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави, СПб., 1870; А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1871; Б. Дорн, Каспий—О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря [„Записки Академии Наук“, т. XXV, в. 1], СПб., 1875; М. Тебеньков, Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма „Искандер Наме и Низами, как источник для характеристики этих сношений, Тифлис, 1896; А. Якубовский, Ибн-Мускавей о походе русов в Бердаа etc., и. изд. (см. пред. прим.); В. В. Бартольд, Арабские известия о русах, — „Советское Востоковедение“, т. 1, М.-Л. 1940, стр. 15—50.

³ Պատմութիւն Աղուանից, т. II, изд. К. Шаһназаряна, Париж, 1860, стр. 66; изд. Эмина, Москва 1860, стр. 270—271 (=Тбилисское изд. 1913, стр. 385—386).

⁴ Ср. Моисей Каганкатваци, История Агван. Пер. К. Патканяна, СПб., 1861, стр. 275—276.

Поход рузов на Партав, датируемый 943—944 гг., это — один из тех налетов, которые совершались в X веке на сельниками Киевской Руси по маршруту: от Киева на кораблях по Днепру до устья, затем по северному побережью Черного моря кольцом вокруг Крыма, через Керченский пролив, в Азовское море, далее — от устья Дона вверх по его течению до того места, где эта река подходит на самое близкое расстояние к Волге; в дальнейшем, переволакивая суда сухим путем к Волге, по последней вновь на кораблях спускались к Каспийскому морю и, плывя вдоль Кавказского побережья, доходили до устья Куры; наконец, вверх по Куре достигали Партава. Походы из Тмутараканской Руси в IX в. совершались тем же маршрутом, начиная от Азовского моря.

Несмотря на то, что Моисей Дасхуранский вообще не проникнут симпатией к пришельцам-рузам, описание нашествия этих рузов в 943—944 гг., в конечном счете, упирается в область реальных взаимоотношений народов Севера и Юга, в переплете соперничества с арабским халифатом, под гнетом которого одинаково изнывали как армяне, так и албаны.

VII

К сфере реальных взаимоотношений древней Руси и Армении относится, между прочим, сведение армянского историка начала XI в. Стефана Таронского, по прозвищу Асохика, о крещении Руси.

В „Всеобщей истории“ (III, 43) названного историка мы читаем:

... Ի հետեւակազնդէն Ռուզաց ոմն ելեալ խոտ ասնէր երկարին իւրոյ. իսկ ոմն ի վրաց կամեցաւ խլել դայն. եւ նորա աղաղակեալ՝ եկն ոմն յԵւրոցն օգնել նմա... Եւ ապա բոլոր ազգն Ռուզաց, որ ի տեղւոջն յայնմ, շարժեցան ի պատերազմ, զի էին նորա արք զհետեւակամարտի, նիզակ եւ

...Один воин из отряда пехоты Рузов нес сено для своего коня. Грузину вздумалось отнять таковое. Тот (Руз) поднял крик и на помощь ему явился другой из своих же... Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на войну; их было 6000 пехотных, вооруженных копьями.

աւար ի ձեռն նոցա, որս էր
խնդրեալ թագաւորին Վասի ի
թագաւորէն Ռուսաց, յորժամ ետ
գրոյն իւր կնակեան նմա, յո-
րում ժամանակի եւ հաւանա-
ցին նորս ի Բրիտանիա:¹

и щитами, которые затребо-
ваны были императором [ви-
зантийским] Василием у ца-
ря Рузов [Владимира Яросла-
вича], когда он выдал сест-
ру свою [Анну] замуж за по-
следнего. В это самое время
они (Рузы) уверовали во Хри-
ста.²

Двух мнений относительно того, что упомянутый Сте-
фаном Таронским эпизод связан с крещением Руси в 988 г.,
конечно, не может быть.

Древнейший же памятник армянской письменности,
запечатлевший представление о „русском языке и письме“
(*Ռուս լեզու ու գիր*),—это „Златочрев“ (*Ոսկեփորիկ*) XII—XIII
веков из собрания армянских рукописей Венецианских мхи-
таристов № 258 (752).³

С другой стороны, интересно отметить, что русский
летописный сборник, именуемый Патриаршей или Нико-
новской, сохранил нам любопытное упоминание армян в
числе иноверцев, „христораздорников“ и „еретиков“. Так,
названная версия под 990 годом, говоря о худшей вере са-
рацинской (т. е. магометанской), сообщает о „Магомете,
иже, беседовав с евреи, и с христиани, и с ариани, и с
несториани, и с манихеи, и с яковиты, и со армены, и с
христораздорники, свою состави ересь“.⁴

В славянской версии памфлета на пост „араджавор“
(у грузин „аладжор-и“, славян „арцивур“), дошедший до
нас под заглавием „Сказание арменския ереси о недели
фарисехов и мытаря“,⁵ армяне именуются „ханзири“, т. е.
исповедующими тезис Петра Фулона или Кнафея (Вальян-

¹ Ստեփանոսի Տարոնեցոյ Ասողկան Պատմութիւն տիեզերական,
Ե. տպ., ՍՊԲ 1885, էջ 276—277.

² См. Степанос Таронский, Асогик по прозвищу. Всеобщая исто-
рия, пер. Н. О. Эмина, М. 1864, стр. 200.

³ Բարեկ Վ. Սարգիսեան, Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մատենա-
դարանին Միլիթարեանց ի Վիեննա, հ. II, Վիեննա, 1924, էջ 195.

⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою,
„Полное собрание летописей“, т. IX, 1862, стр. 59.

И. Мансметов. О постах православной восточной церкви, М. 1886,
стр. 64—65, 49—51.

щика) о „распятом Боге“ (Θαὸς ἐσταυρωμένος), причем в зависимости от этого тезиса армяне в актах поместного грузинского Руис-Урбниского собора 1103 г. (п. 12) именуются „хачецар“-ами (от арм. *խաչար*).¹

Взгляд на армян как на „ханзыри“ и „христораздорников“ мог пропикнуть в Киевскую Русь из южно-славянского мира в связи с богумилами, которые представляли собою ответвление греко-византийских павликиан, разновидности армянских тондракийцев—основной струи сектантского течения в Армении в IX—XI вв.²

Но параллельно с этим, русская церковь, исходя из традиций времен т. н. „вселенского согласия“ в церковной жизни вообще, сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении, и иже с ним 37 дев (Риспимии, Гаянии и пр.). Недаром в русских Четьи-Минеех за сентябрь месяц, под 30-ым числом (по ст. стилю), мы находим славяно-русскую версию соответствующего агиографическо-мартирологического памятника, восходящую, конечно, к греческой редакции; это—„Житие и страдание святого священно-мученика Григория, епископа Армении великия, и с ним тридесати и семи девиц“³. И недаром в древней Руси были храмы, посвященные св. Григорию, как, напр., близ Киева; причем знаменитая Новгородская Нередица сохраняла (до варварского разрушения ее фашистами), между прочим, фресковое изображение не только св. Григория, но и св. Рипсимии,⁴ в данном случае, очевидно, не в подражание Константино-

¹ Л. Меликсет-Бек, Грузинский извод сказания о посте „араджавор“,—„Христ. Восток“, т. V, 1917, стр. 81, 73, 105.

² Л. Меликсет-Бек, История древнеармянской литературы, на грузинском языке. стр. 106—108.

³ Книга житий святых на месяц сентябрь, стр. рзi verso—pkg verso; Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьи-Миней св. Дмитрия Ростовского с дополнениями из пролога, Сентябрь, М. 1902, стр. 653—666.

⁴ *Chalva Amiranachvili*, Quelques remarques sur l'origine des procédés les fresques de Neredicy,—„L'art byzantin chez les slaves“, II, Paris 1932, pp. 113—114; ср. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, в. IV, СПб, 1891, стр. 139; Д. П. Гордеев, Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1917 году,—„Известия КИАИ“, 1, Пгр. 1923, стр. 75 и 95, прим. 214; Л. Меликсет-Бек, Армянская эпиграфика Мра-

польской св. Софии, где научной экспедицией Американского О-ва лет 15 тому назад обнаружена была фреска одного только св. Григория в греко-византийском святительском облачении,¹ а скорее всего—аналогичным памятникам Грузии и Армении (Ахтала, Бетания, Атени, Самтависи, Давид-Гареджа, дерковь Тиграна и Оненца в Ани и пр.).²

С другой стороны, насколько можно судить по результатам анийских археологических кампаний, руководимых *Н. Я. Марром* в сотрудничестве с *И. А. Орбели*, „в начале XIII века художественные росписи одной из лучших церквей города Ани были выполнены русским художником“.³

Касаясь обнаруженных *Н. Я. Марром* на стене одной из анийских церквей росписи, *И. А. Орбели* в одном из своих докладов, посвященном задачам археологических исследований в Армении, судя по газетной информации, замечал: „Долгое время держались мнения, что означенный памятник монгольского происхождения, однако, удалось доказать, что эта роспись представляет собою шапку русского великого князя Владимира Мономаха и исполнена русским художником в 1215 году. И вообще роспись церкви принадлежит русскому художнику“⁴.

VIII

Если упоминание рузов зафиксировано впервые в памятнике армянской письменности в X веке, то, наоборот, упоминание армян или, вернее, арменов в русских источниках впервые попадает несколько позже—с XI—XII века. Мы имеем в виду памятник древнерусской письменности, известный под заглавием „Житие преподобного отца нашего

валмта Гареджи, на груз. яз.,—„Известия Института языка, ист. и мат. культ. имени Н. Я. Марра“, том V—VI, 1940, стр. 160, прим. 2.

¹ „Los Angeles Examiner“ 1932, V—22, ср. Հանդէս Ամսօրեայ, 1932, стр. 369—377; ср. Լ. Մելիքեթ-Բեկ, Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, I, Երևան, 1936, стр. 260.

² Л. Меликсет-Бек, Армянская эпиграфика Мравалмта Гареджи, ц. изд., стр. 160, прим. 2. Լ. Մելիքեթ-Բեկ, Գաղթի «Անհաղթի» Վրաստանում լինելու հարցի շուրջը,—Գրական հետազոտություններ, Երևան, 1946.

³ Ср. „Коммунист“, 1944 г., № 94

⁴ Ср. «Սովետական Հայաստան», 1944 г., № 95.

Агапита, врача безмездного, иже исцеляше молитвою недужных, подая тем зелье от своего брашна, и Арменина врача спасе". Житие включено в т. и. Патерик Киево-Печерского монастыря, в основу которого легли сказания, относящиеся к XI—XII вв., и который сложился к XII веку из готовых материалов.¹ Данные же самого Жития увязываются с периодом княжения Всеволода Ярославича (1077, 1078—1093) и, особенно, Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125).

Ниже мы приводим в дословной выписке из названного Жития все, что касается армян.

„Бысть же в то время во граде Киеве врач некто, родом и верою Арменин, хитр зело во врачевании, яко прежде того не быти таковому. Ибо токмо воззрев на болящего к смерти, абие познаваше и поведаше ему день же и час смерти, и никогда же изменяшеся слово его: темже такового никакоже оуже врачевати хотяше. От сидевых болящих принесен бысть един в Печерский монастырь, иже бысть первый оу князя Всеволода боярин, егоже Арменин в отчаяние введе прорек ему по осми днех смерть. Блаженный же Агапит сотворив молитву о нем, даде ему в снедь зелия, еже сам ядыше, и здрава его сотвори, и абие промчеса о нем слава по всей земли Российской. Арменин же зависти стрелою оуязвлен, нача оукорять блаженного, и посла в Печерский монастырь некоего на смерть осужденного, емуже смертного зелия дати повеле, да вкусив пред Агапитом оумрет. Блаженный же видеv сего оумирающа, даде ему тогоже зелия, еже сам ядыше творя молитву о нем, и тако избави от смерти [повинного смерти]. И отоле наипаче вооружися на блаженного иноверный той Арменин, и наусти единовѣрных своих, да подадут самому Агапиту смертное зелье испити: блаженный же испив, без вреда пребысть. Вѣсть бо Господь благочестивыя от напасти избавляти, иже рече: аще что и смертно испиют, не вредит их.

„Посем разболеся в Чернигове князь Владимир Всеволо-

¹ Ср. М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., том I, М. 1940, стр. 89; История СССР, том I, М. 1939, стр. 144.

дович (Всеволодичъ) Мономах, его же с прилежанием врачеваше Арменин: обаче ничтоже оуспе, но паче недуг бываше болий . . .

„По многих же трудах и подвигах богоугодных, разбо-
леса сам безмездный сей врач, блаженный старец Агапит,
еже оуведав преждедеченный оный врач Арменин, приде
к нему посещения ради, и нача стязатися с ним о врачебней
хитрости, вопрошая его: каковым зелием врачуется таковой
недуг; отвеща блаженный: имже Господь сам яко врач души
и тела здравие подаст. Разумев же Арменин весьма (весма)
невежду его - во врачевании, глагола к своим: не оумееет
сей ничтоже от нашей хитрости. Таже возьмь его за руку,
рече: истинну глаголю, яко в третий день оумрети имать;
аще ли изменится слово мое, тогда аз изменю житие мое,
и буду сам таковой же монах. Блаженный же с яростию
рече: таков ли есть твоего врачевания образ; о смерти
паче, нежели о помощи твоей сказуеши. Аще искусен еси,
даждь ми живот: аще же сим не владееши, что мя оуко-
ряеши, осуждая в третий день оумрети, мне бо известил
Господь, яко по третнем месяце имам отити к Нему. Гла-
гола ему паки Арменин: се оуже весь изменился еси, яко
таковым николиже мощно жити более третяго дне; изнемог
бо зело, яко не мощи ему ниже двигнутися о себе. Между
же сим принесоша к блаженному Агапиту, толико самому
болящему, пнаго некоего больна из Киева исцеления ради.
Блаженный же пречудною Божиею помощию воста абие,
аки не боле, и возьмь обычное свое зелие, еже имеаше в
снесь, показа Арменину, глаголя: се есть зелие врачевания
моего, виждь и разумей. Он же виде, глагола святому:
несть сие от наших зелий, но мне из Александрии быти.
Посмеявся же блаженный невежеству его, даде болящему
вкусити зелия того, и помолився, абие здрава того сотвори.
Таже глагола ко Арменину: чадо, молю тя, яждь тое зелье
со мною, аще оугодно ти есть: понеже не имам чим оучре-
дити тя. Отвеща ему Арменин: мы, отче, сего месяца четыре
дни постимся, и ныне пост имам. Слышав же сия блажен-
ный, вопроси его: кто еси ты, и коея веры. Он же отвеща:
не слышал ли еси о мне, яко Арменин есмь. Блаженный

же рече к нему: како оубо дерзнул еси бнити семо и осквернити келлию мою, еще же и держати за грешную мою руку. Изыди от мене, иноверне и нечестиве. Он же посрамлен быв, отиде . . .

„По смерти же святого прииде Арменин в монастырь Печерский, и глагола игумену: отселе оуже оставляю Арменскую ересь, и истинно верую в Господа Иисуса Христа, Ему же работати желаю во иноческом святом чине. Явился ко мне блаженный Агапит, глаголя: обещался еси иноческий восприяти образ. Аще солжеша, с животом и душу погубиши. Аз же верую, яко явивыйся мне свят есть; понеже аще бы хотел многое время жити zde, даровал бы ему Бог, зане аз разумех не прежити ему трех дней, Бог же приложи три месяца: и аще бы рекл не жити ему три месяца, жил бы три лета. Ныне оу бо мню, яко сам восхоте отити от нас, яко святой желая царствия святых и аще преставил его Бог от жития временнаго во обители сей, но живот вечный дарова ему во обителях небесных. Темже желаю исполнити вскоре повеление святого мужа сего. Сия слышав от Арменина игумен, постриже его во иноческий святой чин, наказав довольно врача телес чуждых, яко да будет искусен во врачевании души своя, последуя блаженному Агапиту. Он же подвизаяся богоугодно, житие свое препроводи и в томже монастыре Печерском блаженную восприя кончину, в честь врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу“...¹

Смысл этих слов древнерусского источника в том, что еще в конце XI века при Всеволоде Ярославиче в Киеве жил некий врач „родом и верою“ армянин, весьма опытный в медицине, каких до него вообще не было: стоило ему взглянуть только на больного, как определял день и час смерти, так что слово его не менялось и нечего было продолжать лечение. В связи с болезнью одного из бояр князя Всеволода, врач-армянин вступил в спор с преподобным

¹ Патерик Киево-Печерский, Киев, 1850, лист рке—рки; Патерик Печерский, сиесть Отечник, Киев 1895, лист рке—рлв; Патерик Киево-Печерского монастыря, изд. Археографической Комиссии. СПб. 1911, стр. 98—95.

Агапитом, к которому, находящемуся в Печерском монастыре, был доставлен тот больной. И хотя армянин предсказал больному смерть на восьмой день, по молитве Агапита тот выздоровел, и вследствие этого слава о преподобном распространилась по всей русской земле. Это обстоятельство вызвало зависть в армянине и взбесило его, и он стал укорять Агапита. Стараясь подорвать доверие к последнему, армянин строил козни и даже натравливал *своих единоверцев* против него. Армянин был приглашен в Чернигов к заболевшему тяжким недугом князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, однако не смог оказать ему необходимую помощь, и лечение кончилось безуспешно. Наконец, армянин пришел навестить самого Агапита, когда тот заболел, и пустился с ним (Агапитом) в спор относительно приемов лечения, заявляя *своим*, что Агапит не сведущ в их хитрости, причем брал его за руку. Несмотря на пророчество армянина, что Агапит на третий день умрет, последний выжил и продемонстрировал используемую им целебную траву; между тем как армянин хвастал тем, что он располагал травой из Александрии. Когда же, по прошествии долгого времени, Агапит умер и с того света явился в видении к армянину, последний уже разочарованный в своей деятельности, решил оставить армянскую веру и перейти в лоно русской церкви, приняв иноческий постриг в том же Печерском монастыре, где подвизался Агапит.

То обстоятельство, что врач-армянин ставил диагноз и предсказывал тот или иной исход болезни, брав больного, т. е. ощупывая пульс, и в процессе лечения прибегал к лекарственным травам из Александрии, указывает на связь представителя армянской медицины с арабским миром. При этом важно, что этот врач был в Киеве не один, а вокруг него группировались некоторые соотечественники, которых Житие Агапита называет „своими единоверцами“ или просто „своими“.¹

¹ Кое-что в связи с данными Жития Агапита см. в книге: Д-р Л. А. Оганесов, История медицины в Армении от древнейших времен до конца XVIII столетия, Эривань, 1927, стр. 62—64 (там же указание на спец. литературу вопроса).

Как бы то ни было, на основании Жития преподобного Агапита более или менее точно устанавливается дата появления армянской колонии в Киеве со второй половины XI века.

IX

С точки зрения историко-литературной для вопроса о связях древней Руси и Армении чрезвычайно важное значение имеет перевод сказания о Борисе (Романе) и Глебе (Давиде) на армянский язык.

С чьим бы именем авторство древнерусского сказания ни было связано, т. е. с именем известного летописца Нестора или черноризца Якова, оно, это сказание, должно было возникнуть, по господствующему мнению, около 70-х годов XI века.¹ Армянский же извод сказания, когда бы и кем бы он ни был проработан или обработан, предлежит в армянском *Յայտնարքէ*, т. е. Четьи-Минейх или Синаксаре в редакции тер-Исраэля, появившейся в Киликийской Армении до 1251 г.²

Сказание о Борисе и Глебе в армянских источниках фигурирует как пролог о Романе и Давиде, конечно, в зависимости от того, что названные деятели носили парные имена—от рождения и от крещения: как читаем в подлиннике, „бъше же блаженному Борису сотворено имя в крещении Роман“, „святому же Глебови сотворено имя Давыд“, по аналогии с тем, как Владимир „въ крещении же наречен Василии“ („вчера елин Владимир нарицаеся, днесъ крестьян Василии нарицаеться“).³ Отсюда понятно, почему переиздаваемый нами армянский пролог о Борисе и Глебе

¹ БСЭ, VII, 146; ср. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб, 1908, стр. 92.

² Մկրտիչ վ. Ազիզեան, Լրումն լիակատար վարուց եւ վկայարանութիւնց արքայ, հատոր ԺԱ, Վենետիկ 1814, յաւելում, էջ ևդ—ևե; Գ. Զարրեանյան], Հայկական մատենագրութիւն (Bibliographie Arménienne), ՎԿՆ. 1883, էջ 446—452. Արսէն վ. Ղազիկեան, Հայկական նոր մատենագրութիւն եւ հանրագրութեան հայ կենտրոն (Bibliographie Arménienne), II, ՎԿՆ. 1909—1912, էջ 25—50. Լ. Յեղեկեան-ձեզի, ժողովրդային տեղագրութեան օրհանգիստ, 142.

³ А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 43.

в древнейшей редакции по Синаксарию тер-Исраэля носит заглавие: Պատմութիւն սուրբ եւ փառաւորեալ վկայիցն Քրիստոսի Դաւթի եւ Ռոմանոսի, որ ի Ռուսք նահատակեցան յանօրէն եղբորէն իւրեանց, որ կոչին Պաւրիս չլէպ.—„История святых и прославленных мучеников Христовых Давида и Романа, измученных в стране Русов от нечестивого брата, которые назывались Паврис (Борис) [и] Глеб (Глеб)“.¹

Сказание о Борисе и Глебе в том архетипе, который сохранен древнейшим Киевским сводом от 1039 г. в редакции 1073 г.,² к армянскому прологу прямого отношения не имеет, поскольку в основе такового пролога положена позднейшая обработка, как увидим ниже, в греческой версии. Притом, и армянский пролог дошел до нас в различных редакциях.³

Что армянский пролог о Борисе и Глебе является обработкой греческой версии, а не непосредственно русской редакции, видно по тому, что чисто-русские собственные имена приводятся в нем в греческой форме или с особым искажением: Փամիրոս Прамерос || Փամիրոս Прамирос—Владимир, Ստապոլկաս Стаполкас || Յուստապոլկաս Евстаполкас—Святополк, Ռատավոս Равставлос—Ярослав, Մերոնէոս Меронеос—Миронег, Բլատիմոս Блатимос—Вла-

¹ Յայտնաւորք ըստ կարգի ընտրեալագոյն օրինակի Յայտնաւորաց տէր Բարսեղի, Կ. Պ. 1834, 5. Բ. (Դաւթ վկայ որ ի յրաւս կատարեցաւ, Ռոմանոս վկայ, որ ի յրաւս կատարեցաւ). Le Synaxaire arménien de Ter-Israel, publié et traduit par le D-r G. Bayon et S. A. R. le prince Max de Saxe,—„Patrologia orientalis“, t. XXI, Paris 1930, pp. 397 (1441)—404 (1448).

² А. Шахматов, ц. с. стр. 574—575.

³ См. В. Н. Бенешевич, Армянский пролог о св. Борисе и Глебе [„Известия Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук“, т. XIV. 1909. кн. I], стр. 201—236 (текст с рус. пер. 217—236); ср. Н. О. Эмин, Сказания о святых Романа и Давиде (Борисе и Глебе) и о кончине Русского епископа святого Фомы по армянским источникам,—„Русский Архив“ 1877 г. № 3, стр. 273—288 (перевод арм. текста стр. 278—286)=Н. О. Эмин, Сказания о святых Романа и Давиде по армянским Четью-Минеем,—„Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др.“, Москва. 1897, стр. 154—155. Ср. русскую: Сказание страсотерпнцю свяую мученику Бориса и Глеба, изд. И. Срезневского, СПб, 1860.

димир, Մանանի Мавнамах—Мономах, Գեորգիос Георгос—Георгий, Պավրիс Паврис—Борис, Հլեպ ԿԼԵՊ—Глеб, Կյուայ—Кювай(=греч. Κλοβ, у Константина Багрянородного, араб. Ку-яба)—Киев,¹ Վեսոլրատон Весольтратон—Вышгород, պիճանիկ пиц'анк || պիճանիկ пиц'анг—печенег и т. п. В частности, арм. выражения ի բերդի Վանդաշտոնի должны быть передачей греч. εἰς τὸ κάστρον Βουσογράδου (>Βουσογράδου? <Βουσογράδου?).²

Как давно совершенно правильно отмечено проф. Н. О. Эмином, упоминание в сказании параллельно с именем Прамерос, т. е. Владимир, имени Алексия вносит явную путаницу, поскольку „имя *Алексий* в византийской империи является со вступлением на престол дома Комненов“, причем „Алексий I воцарился в 1081 г., а Владимир святой скончался в 1015 г.“.³ Следовательно, вместо Алексия должен быть Василий II Болгаробойца (976—1025).⁴ Величание Прамероса—Владимира и его преемников титулом „царь“ вместо „князь“ также является анахронизмом.⁵ Указание на наследование после Равставласа—Ярослава „сыновей его Владимира и Мономаха“ также результат путаницы, поскольку из Владимира-Мономаха не то армянский, не то греческий переводчик вывел две персоны—Владимира (Блатимоса) и Мономаха (Мавнамаха), притом приняв их за сыновей, а не внуков Ярослава I.⁶ Дата перенесения мощей Бориса и Глеба, исчисленная 621 годом арм. эры=1173 годом от Р. Х., тоже „неверно, ибо перенесение мощей святых было много прежде этого“.⁷ Что же касается дня памяти названных мучеников, то таковой по армянско-

¹ Форма *Կիւ* Киов, наряду с обычной *Կիև* Киев, встречается в арм. исторической литературе в XVIII веке в мемуарах архиеп. Иосифа Аргутинского (см. *Գրական հայր զառնակութեան*, 5. IX, №. 1911, стр. 7, 18, 42, 44).

² В. Н. Бенешевич, Армянский пролог о святом Борисе и Глебе, стр. 211.

³ Н. Эмин, Переводы и статьи, стр. 157, прим. 3.

⁴ В. Бенешевич, Армянский пролог о св. Борисе и Глебе, стр. 218, прим. 5.

⁵ Н. О. Эмин, ц. книга, стр. 157, прим. 6.

⁶ Там же, стр. 166, прим. 42; ср. В. Бенешевич, стр. 234, прим. 11.

⁷ Н. О. Эмин, ц. книга, стр. 167, прим. 45.

му прологу приурочен, по одной версии (переиздаваемой нами—тер-Исраэля)—к 24 июня,¹ а по остальным—к 8 июля;² хотя, впрочем, в армянском Синаксаре текст пролога помещен под 28 акекан=5 мая.

При суждении о прототипе армянского пролога о Давиде и Романе, несомненно, нужно исходить не из такового в редакции Григория Церенца XV века, как то делает проф. Н. О. Эмин, а—тер-Исраэля середины XIII века. Это обстоятельство имеет существенное значение для решения вопроса о киликийском происхождении армянского пролога, в пользу которого Н. О. Эмин приводит следующие аргументы: во-первых, что „последнюю свою редакцию армянские Миней [-Четьи] получили... в Киликии“, и, во-вторых,—что „в армянском переводе Сказания встречаем слово „барон“, которое впервые является в армянской письменности и языке в этой стране (Киликии) с появлением в ней крестоносцев“.³ Но, как в свое время совершенно справедливо отмечалось одним из критиков,⁴ „цена всем этим догадкам Эмина падает сразу прежде всего от того, что сам он дает перевод сказания по минее редакции Церенца, а не киликийской, и притом без всякого сопоставления с этой последней“. Одновременно с этим, ничем не доказана принадлежность первоначальному тексту слова „барон“ *պարոն*, „килийское происхождение которого хотя бы и стояло вне сомнений“.⁵

Вводимый нами *впервые* в научную циркуляцию армянский пролог о Борисе (Романе) и Глебе (Давиде) сразу же приводит нас к отрицательному решению вопроса относительно арм. слова *պարոն* барон, поскольку последнего вовсе нет в древнейшей (из всех наличных) редакции армянского перевода сказания.

¹ Le Synaxaire arménien de Ter-Israel,—„Patrologia orientalis“, p. 402 (1446); по нашему изданию ниже, стр. 143.

² Մկրտիչ վ. Աղգերեան, Միացորդը փարոն արքայ արքայի Տօնացւոյն ձերտ յիշատակելոց և Յայմատուրի կամ և Հարմարիւն Հայոց, արդէս են Յուսուպ և Լատինացոյ, Կ. ՓՔ, Վենետիկ, 1815, էջ 124—125.

³ Н. О. Эмин, цит. книга, стр. 154.

⁴ В. Бенешевич, ц. с., стр. 202.

⁵ Там же.

Точно так же отрицательно наше отношение к следующему положению *Н. О. Эмина*, основанному на неправильной интерпретации предпоследнего абзаца армянского текста сказания: „Один из многих армян, посещавших встарину Киев и бывших свидетелями... чудес, живший долго, быть может, в этом городе и хорошо знакомый с русским языком, возымел благочестивое желание перевести на свой язык „Сказание о Романе и Давиде“; причем „по возвращении в отечество, он, вероятно, познакомил с ним представителей своего духовенства, и через них оно вошло в армянские Минеи“.¹ Между тем в упомянутом нами предпоследнем абзаце армянского текста сказано: „И много других чудес [совершенных] теми святыми (Романом и Давидом), описано в полной их истории, и чудеса совершаются и поныне. Об этом же рассказывают нам многие из нашей страны, бывшие очевидцами“. По *Эмину* после слов „из нашей страны“ в скобках разъяснено: „т. е. из Армении“, что, собственно, и является произвольным, ибо в греческом прототипе армянского текста слова „из нашей страны“ могли бы означать „из Византии“.²

Что же касается приурочения армянским текстом возобновления храма в честь Бориса (Романа) и Глеба (Давида) к 621 году *армянского летосчисления*, то оно нас несколько не должно смущать: ведь оно сделано в *Post-scriptum'e* древнейшей редакции тер-Исраэля самим переводчиком в интересах, конечно, армянского читателя.

Перевод сказания на армянский язык, несмотря на то, что таковой восходит, вопреки утверждению *Н. О. Эмина*, непосредственно не к русскому подлиннику хотя бы в позднейшей редакции XII века, а к промежуточной греческой версии, должен был быть выполнен, во всяком случае, не ранее конца XII века, вероятнее же всего — в первой половине XIII века при *terminus post quem* по 1251 г., когда таковой перевод оказался включенным в *Синаксарь тер-Исраэля*.

¹ *Н. Эмин*, ц. книга, стр. 154.

² Ср. *В. Бенешевич*, ц. с., стр. 201—202, 203, 234.

По господствующему в русской исторической литературе положению, Борис и Глеб представляются святыми, выдвинутыми княжеско-дружинной средой, которые стали по преимуществу покровителями ратного дела и вообще государственности Киевской Руси. Хотя к жертвам Святослава Владимировича обычно относят трех князей—Бориса, Глеба и Святослава, однако в памяти народа сохранилось почитание лишь двух из них, причем в этом почитании, как полагают, проявляется отображение старинного „культа священных двоиц: 2 братьев или друзей—подвижников, мучеников, а ранее—богов“.¹

Потому то мы считаем не лишним привести здесь высказывание акад. Н. Я. Марра относительно имен Бориса и Глеба: „Если бы не было надежды реальнее полойти к толкованию этих имен, мы не постеснялись бы дать их отвлеченно лингвистически вполне устанавливаемое значение как культовых предметов, светил, даже определеннее—Бориса-солнца и Глеба-месяца. Не говоря о Борисе-солнце, Глеб фонетически представляет лишь предшествующий вид фонетического состояния слова „хлеб“.² Конечно, солнце или месяц, это лишь одно из проявлений, космическое, предмета культа, и их названия могут оказаться наречениями хозяйственных злаков и животных“.³

Как бы то ни было, факт переложения на армянский язык сказания о Борисе и Глебе свидетельствует о том интересе, который армянские книжники XII—XIII в. в. проявляли к тем или иным моментам русской жизни, исходя при этом, конечно, из рудиментальных представлений космического порядка, согласно которому Борис, по аналогии с отцом Владимиром-Красным *Солнышком* воплощал *солнце*, а Глеб—*месяц* (луну).

Х

При суждении о связях древней Руси и армян, есте-

¹ Ср. БСЭ, VII, 146—147.

² Ср. в груз. шот'и, шот'ис-пури и название божества Шот'т'ан || Ашот'т'ан (ср. шот'а).—Л. М.-Б.

³ Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, ц. изд., стр. 41 (=Избранные работы, том V, стр. 249—250).

ственно, нельзя пройти мимо тех гадательных теорий о некоторых восточных, в частности армянских влияниях на русское искусство, которые спорадически, притом довольно робко, выдвигались в научных кругах со времен V археологического съезда, бывшего в Тбилиси в 1881 году.

Тут, кстати, вполне уместно отметить высказывание по этому вопросу акад. *Н. Я. Марра* от 1925 г.:

„Армянское [культурное] влияние заметно не только на сельджукском искусстве Малой Азии, а раньше него на архитектуре Византии и особенно древнерусской (курсив мой, *Л. М.-Б.*), во всяком случае вместе с русскими, армяне имеют унаследованный от одной и той же доисторической эпохи художественный вкус“.¹

Для истории вопроса чрезвычайно важное значение имеет та постановка, которая была формулирована в зачитанном на помянутом съезде (10. IX. 1881) *А. С. Уваровым* письме протоиерея Киево-Софийского собора о. Лебединцева следующего содержания:

„У наших историков принято, что христианство пришло в Киев из Царьграда, утвердилось в Киеве при св. Владимире и потом из Киева распространилось во все концы тогдашнего русского государства. Между тем, из летописей видно, что на северо-востоке России—в Ростовской и Муромской области—христианство развилось так скоро еще при св. Владимире, что трудно думать; чтобы оно не проникло туда еще раньше времени св. Владимира и чтобы эта страна не имела и других негласных просветителей, кроме иноков и пастырей, посылавшихся из Киева. С другой стороны, в самом сознании христианства у поселенцев северо-востока России оказалось в последствии времени столько особенностей, отличавших их от югозападной церкви русской, что эту рознь в русской церкви никак нельзя объяснить себе, оставаясь в убеждении, что христианство и на юго-западе и на северо-востоке России выходило из одного и того же Константинополя чрез Киев. Таковы осо-

¹ Ё. Մարր, Հայկական մշակույթը (=Н. Марр, Армянская культура etc., ц. изд., стр. 72).

бенности, например, в сложении перстов для крестного знамения, в осенении себя крестным знамением, в строгости постов, в стремлении к пустынножительству, в отношениях к церкви, белому духовенству и монашеству, в некоторых обрядах, устройстве храмов и их украшений,¹ в привязанности большей к внешности церковной, в правах и религиозных верованиях, наконец,—появление ересей и расколов на северо-востоке России, которые неизвестны в юго-западе Руси.

„Все эти особенности приводят к мысли, что христианство приходило в северо-восточную Русь, может быть, не из одного Киева и что прибытию сюда епископов, посланных Киевским митрополитом, предшествовали учителя веры, не видевшие ни Киева, ни Царьграда. Откуда же они вышли? Волга представляла для северо-востока России такой же большой водный путь, каким служил Днепр для югозападной России. Последний вводил нас в общение с Царьградом; первый поставлял связь с церквами грузинскою и армянскою, а через них с Антиохией и Александрией, а также с разными поселками еретическими, ссылаемыми Византией на Кавказ. Естественно потому спросить, нет ли на Кавказе исторических следов того, что христиане Кавказа влияли на просвещение северо-восточной Руси светом христианства и что церковь Грузинская, находившаяся более столетия в зависимости от Антиохийского патриархата, и церковь Армянская, которой католикосы с 302 по 439 год принимали рукоположение от Кесарийского (в Каппадокии) архиепископа, вносили в северо-восточную Русь некоторые свои особенности, не встречающиеся в южной митрополии“.²

Здесь не место касаться тех путей, по которым христианство проникло в северо-восточную Россию, т. е. через Хазарию и Иверию, поскольку вопрос об этих путях достаточно освещен в специальных, хотя и тенденциозных, работах Кириона, Сегалы и др.

¹ Курсив наш. Л. М.-Б.

² Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881, М. 1887, стр. XXXII.

Однако, нужно отметить, что на помянутом археологическом съезде 1881 г., наряду с письмом *Лебединцева*, заслушан был и специальный доклад *Н. В. Султанова* по вопросу о соотношении русских шатровых церквей к грузино-армянским пирамидальным покрытиям,¹ причем в качестве одного из путей проникновения в русскую архитектуру шатрового перекрытия докладчик намечал Грузию и Армению, хотя в конечном результате всех наблюдений приходил к выводу, что обе формы, будучи „вполне различны между собою“, „развивались друг от друга независимо и совершенно самостоятельно“.² И этот вывод нам кажется вполне правильным и обоснованным. Кстати, в такой же плоскости должен быть, по нашему мнению, рассмотрен и решен вопрос об отношении т. н. готического стиля к армянскому и даже иранскому (мавзолеи), каковой вопрос, однако, прямого отношения к нашей теме не имеет.

С другой стороны. Сейчас еще не настало время для того, чтобы в том или ином смысле разрешить вопрос о возможностях проникновения тех или иных элементов армянской культуры, в частности сюжетов для живописи, в древнюю Русь по Волге или через Балканы, значит через южно-славянскую среду, именно при посредстве павликиан-богумилов.³ Тем не менее, факт остается фактом: древнерусская фресковая живопись сохраняла нам изображения Григория, просветителя Армении, и Рипсимии, как выше уже указывалось, в церкви Спаса Нередицы в Новгороде (Новгородской Нередице), что, конечно, нельзя объяснить непосредственным влиянием Константинополя, а скорее всего под воздействием Грузии.⁴ Другой факт—это связь

¹ *Н. В. Султанов*, Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям,—„Груды V арх. съезда“, стр. 230—244, особенно 244.

² Там же.

³ *Ф. И. Шмит*, Заметки о поздневизантийских храмовых росписях,—„Византийский Временник“, том XXII, в. 1—2, Пгр. 1916, стр. 94—95, ср. 88.

⁴ *Л. Меликсет-Бек*, Армянская эпиграфика Мравалита Гаресджи, на груз. языке, стр. 160, прим. 2.

килийского миниатюриста с русским миром, устанавливаемая путем раскрытия смысла прозвища Саргиса „Пиц'ак“, о чем уже говорилось выше.

Однако, одна особенность армянской архитектуры, которая не встречается в зодчестве ни одной из христианских церквей, кроме византийской и русской, приводит к постановке частной проблемы о встречах архитектурных типов древней Руси и Армении. Это — проблема о генезисе конструкции пятикупольных (пятиглавых) церквей на Руси и в Армении, по аналогии с таковыми же в Византии. Постановка такой проблемы напрашивается в результате анализа сказания о Борисе и Глебе, где указывается о сооружении Ярославом Владимировичем „благотворного храма во имя святых Бориса и Глеба, пятикупольного“.¹ — Пятикупольные храмы на Руси представляли позже вообще общее явление, между тем как в Грузии (сохранившей храмы только лишь в один купол, а в одном случае и в два)² их совсем не было. В Армении же этот тип как будто появляется значительно раньше: пятикупольная конструкция констатирована в церкви сел. Аван близ Еревана³ и в церкви апостолов (*Առաքելոց*) в Ани постройки X века; таковая же, кроме того, предположительно усматривается покойным архитектором Т. Тораманяном в первоначальной реконструкции Эчмиадзинского кафедрала, произведенной после VII века,⁴ а *пережиточно* и в последней реконструкции

¹ Ср. Н. Эмин, переводы еис., стр. 163 и прим. 35 на стр. 163—164.

² Л. Меликсет-Бекон, Кахтубанский храм, „Христ. Восток“, том III, 1915, стр. 312 и прим. I там же.

³ Կաթողիկոսական, Ավանի եկեղեցւոյն ծածկագիրը արձանագրութեամբ, Երևան, 1945, էջ 3:

⁴ Թ. Թորամանյան, Էջմիածնի տաճարը, — Ազգագրական հանդես, XIX, 1910, стр. 185—188, рис. 7 на стр. 183 = Т. Тораманян, О древнейших формах Эчмиадзинского храма, — Записки Вост. Отд. Рус. Арх. О-ва, том XIX, 1909, стр. 031—052; Н. Я. Марр, По поводу работы архитектора Т. Тораманяна „О древнейших формах Эчмиадзинского храма“ — там же, стр. 052—063. Թ. Թորամանյան, Նյութեր հայկական հորատարարության պատմության. Աշխատությունները ժողովածու = Торос Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры. Сборник трудов, Ереван, 1942, стр. 87—88, 205, 220—229.

XVII века, равно как усматривается нами в Могининской церкви в Тбилиси постройки 1751 г., в церкви св. Вардана на горке в Ахалцихе и пр.

Другой вопрос—это *традиция* устройства патриаршего сидения или трона именно по *левую* (а не правую) сторону перед алтарем, наблюдаемая в Большом Успенском соборе в Московском Кремле, сообразно с *традицией* в Эчмиадзинском и вообще армянских кафедралах, между тем как в халкедонитских вообще храмах и, в частности, в Звартноце такое сидение помещается справа перед алтарем.

Дело специалистов-искусствоведов разрешить путем углубленного изучения соответствующих памятников искусства, как эти проблемы, так и те, которые намечались ранее по линии встреч как в области иконописи (фрескового изображения Причащения апостолов),¹ так и орнамента (композиции Деисуса).²

XI

Появление армянских колоний на Украине, в Крыму, в Галиции-Польше и вообще на юге России и в центральной Европе приурочивается к двум основным моментам потери армянами в средневековье политической самостоятельности: во-первых, ко времени падения североармянского Ширакского или Анийского (Багратидского) царства в 1046/1064 г., и, во-вторых, ко времени падения южноармянского Киликийского (Рубенидо-Һэтумидо-Лусинянского) царства в 1375 г.

Касаясь вопроса о происхождении армянских колоний в Польше и Крыму, И. А. Орбели еще в 1916 г. заявлял, что „изучение польско-армянского наречия“, как и знакомство „с наречием крымских армян, дает основание для сомнений в правильности установившегося представления о польских и крымских армянах, как выселенцах из Ани“.³

¹ Ф. Шмит, Заметки о поздневизантийских храмовых росписях.— „Виз. Вр.“ XXII, в. 1—2, стр. 71.

² А. А. Бобринский, Резной камень в России. Вып. 1-й Соборы Владимиро-Суздальской области XII—XIII ст. Москва, 1916, стр. 6. 21.

³ И. Орбели, Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями,— „Христ. Восток“, т. VI, Пгр. 1917, стр. 10.

Находя, что „этот вопрос первостепенной важности для истории Армении после потери самостоятельности в коренной Армении“, тот же ученый далее замечает, что таковой (вопрос) „должен быть разрешен, конечно, не на основании легенд и легендарных записей, а путем анализа археологических памятников Крыма и Галиции“, в частности влияний и, прежде всего, изучением соответственных армянских наречий, наиболее надежного критерия в этом вопросе“;¹ причем разрешение „вопроса о происхождении армянских колоний в Польше и Крыму,—по мнению *Орбели*,—было бы очень важно для обсуждения пока еще гадательных теорий о некоторых восточных, в частности армянских, влияниях на русское искусство“.²

И. А. Орбели, конечно, вполне прав, когда находит, что „для установления даты появления армян в Галиции и на юге России необходимо прежде всего с возможной полнотой использовать те скудные данные об армянах, которые находим в русских литературных памятниках“.³

Наличие армян, в частности армянина-врача, в Киеве при Всеволоде Ярославиче (1077, 1078—1095) и Владимире Всеволодовиче Мономахе (1113—1125), несомненно, обусловлено было появлением первых армянских колоний на севере от Кавказского хребта, в бассейнах *Волги, Дона, Днепра, Днестра* и *Дуная*.

Известно, что „первые армянские переселенческие потоки шли по руслу торговых связей, образовавшихся в коренной Армении с различными народами мира. За армянским торговым классом в облюбованных им районах, хорошо знакомых по деловым сношениям, оседал и армянский земледельческий класс“.

Также известно, что „еще в эпоху расцвета арабской торговли выдвинулись армянские купцы. На Волге в пределах древнего Болгарского царства процветала торговая колония. С XIII века и позднее армянские колонии появ-

¹ Там же, стр. 10—11.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 11, прим. 1.

ляются усиленно не только в соседней Грузии, но и в Средней Азии, Крыму, где армянская колония одно время именовалась Приморской Армениею (*Armenia Maritima*), в Польше, где армянам было предоставлено судиться по своим законам,¹ и в латинских странах. Переселенческий поток возрос с падением колониального армянского царства (Киликийского) в 1375 году, менее, чем за столетие до взятия турками Царьграда².

Указания на то, что армяне призывались русскими князьями в Киев в 1009 г. на помощь в войне их с Болеславом Храбрым (992—1025), или во второй половине XI в. Феодором (или Феодосием) Дмитриевичем для участия в борьбе с удельными князьями и половцами, или, наконец, в 1280 г. галицким князем Львом Даниловичем, пригласившим армян вместе с татарами в ряды своего ополчения для борьбы с соседними племенами,³—свидетельствуют о боевом сотрудничестве русского и армянского народов еще с начала XI в. в эпоху существования еще Багратидского Анийского царства. Армения и „ормены“ неоднократно упоминаются и в различных списках русских летописей, например, под 1346, 1403 и пр. годами.⁴

Далее имеется сведение о том, что в XIII в. „армяне основали две колонии близ нынешнего г. Каменец-Подольска, под названием *Армяне* и *Армянки*“.⁵

По эпиграфическим материалам, собранным венецианским мхитаристом *Минасом Бжшкяном* (*Минаем Медици*), строительство армян в Львове связано со следующими да-

¹ Имеется в виду *Statuta juris Armenici per Sigismundum primum Regem Polonie pientissimum approbata et confirmata jussu ac mandato ejusdem Regine Majestatis ex lingua illorum nativa in latinum sermonem translata*. —Л. М.-Б.

² Н. Марр, Кавказский культурный мир и Армения.—Журнал Мин. Нар. Просв., 1915 г., июль, стр. 323—324, отиска 46—47.

³ Е[пископ] К[ирион], Колонизация армян в югозападной России, Каменец-Подольск, 1903, стр. 1—2.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XI, 1897, стр. 248, том XXIII, 1910, стр. 108; и др.

⁵ Там же, стр. 2.

тами: постройка фонтана при епископате в 1264 г., сооружение соборной церкви в 1363 г., с возобновлением в 1509 г. и пристройкой колокольни в 1562 г.¹ По таким же материалам, собранным французским арменистом Frédéric Maclet-ом, первые армянские церкви в Румынии появились: в Ботошане в 1350 г., Яссе в 1395 г., Сучаве в 1512 г. и 1521 г., Романах в 1551 г., Галацах в 1669 г.²

Французский путешественник первой половины XV века (живший в 1399—1450 гг.) G. de Lapnoy в своих путевых заметках, между прочим, упоминает: Mancastre ou Bellegard, où il habitent Gènépols, Vallackes et Hermins, т. е. „Манкастро или Белгород (=Аккерман), где обитают Генуэзцы, Валахи и Армяне“.³

С этими указаниями вполне гармонируют даты—1446 и 1474 гг.—армянских надписей на мраморной плите с изображением двух крестов, вделанных в южную и северную (совнутри) армянской церкви Успения в Аккермане.⁴

Ко времени господства генуэзцев в Крыму, ко второй половине XIV века (1378—1396 гг.), относится вывезенная из Крыма и хранящаяся в Одесском Историко-Археологическом музее армянская надпись, гласящая о построении фонтана, с изображением поверху надписи герба Генуи,

¹ Միշակ վ. Բժեկեան, Ճանապարհորդութիւն ի Հեհաման ե յայլ կողման etc. Վենետիկ, 1830, стр. 93 (§ 166), 164 (§ 174); Լ. Մելիքեան-Բեկ; Արեւմտեան Ուկրաինայի եայլեւան հնութիւնները,—Պարհորդիւն Վրաստան—1930 թ., 15 IX, № 281.

² Frédéric Maclet, Rapport sur une Mission scientifique en Roumanie (juin—août 1927)—„Revue des études arméniennes“, 1930, t. X, Fascicule I, Paris, 1930, p. 30. ср. его же—Rapport sur une Mission scientifique en Galicie et en Bucovine (juillet—août 1925),—ibid. t. VII, fasc. 1. Paris, 1927, pp. 11 et pass. N. Jorga, sur l'origine de Arméniens de Moldavie,—„Monumenta armenologica“, Wien 1928, pp. 150—151. Ср. Н. А. Линниченко, Общественная роль армян в прошлом югозападной России, „Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца“, кн. IX, Киев 1895, стр. оттиска 1—10, (то же на арм. яз.) Վրականական ե պատմական հանդես, стр. отт. 1—22.

³ Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lapnoy,—„Записки Одесского О-ва Истории и Древностей“, том III, Одесса, 1853, стр. 438; ср. Л. Меликсет-Беков, Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии). Тифлис, 1911, стр. 8.

⁴ Л. Меликсет-Беков, ц. с., 30—31, стр. 8, 31.

т. н. „Агнца Божьего“ с победным знаменем, и герба до-
жа Генуэзской республики Антонiotто Адорно, занимавше-
го эту должность с 1378 по 1396 г. с некоторыми переры-
вами (1378, 1384—1392, 1394—1396).¹

К 872 г. арм. эры=1423 г. н. э. относится написание
древнейшей армянской рукописи в Крыму из Феодосии—
Шаракана, описанного покойным *Х. И. Кучук-Иоаннесовым*.²

К той же эпохе господства генуэзцев в Крыму, когда
крымская армянская колония именовалась Приморскою Ар-
менией (*Armenia Maritima*), относится каффское³ постанов-
ление от 6 сентября 1455 г., в котором, между прочим, го-
ворится, что *terra ista populata esse in majori parte Ermenis,*
qui sunt nobis fidelissimi et boni mercatores, т. е. „земля
эта в большей части населена армянами, которые—наши
верные и честные купцы“.⁴

К 961 г. арм. эры=1512 г. н. э. относится резьба две-
ри армянской церкви в Карасубазаре, с армянской надпи-
сью того же года.⁵

К 1557 г., по мнению *И. А. Орбели*,⁶ относима над-
пись Феодосиевской церкви, дату каковой надписи *Х. И.*
Кучук-Иоаннесовым неправильно была прочитана *ԹՎ ՌԽԽԷ*
ԶԶԶ (496)=1047,⁷ вместо *ԹՎ ՌԽԽԷ ԹԶ* (1006)=1557.

¹ *Л. Меликсет-Бек*, Старинные армянские надписи в музее Об-
щества Истории и Древностей в Одессе, Тифлис. 1912, стр. 15—22 и рис.
на стр. 17 и 21.

² *Х. Кучук-Иоаннесов*, Древнеармянские рукописи из Крыма,—„Из
Архивной комиссии“ № 67, собр. отд. 2—3.

³ Каффа—это древнее название Феодосии.

⁴ *А. Кочубинский*, Тира (Тирас)-Белгород-Аккерман и его новая
лапидарная надпись,—„Записки Одесского Об-ва Ист. и Древн.“, т. XXIII,
1901, отд. 1. стр. 143; *Л. Меликсет-Бек*, Армянские древности в Ак-
кермане, стр. 7.

⁵ *Х. Кучук-Иоаннесов*, Армянская надпись из Карасубазара,—„Из-
вестия Таврической Ученой Архивной Комиссии“, № 44, стр. отд. 3.

⁶ *И. Орбели*, Два серебряных ковша etc.—„Христ. Восток“,
стр. 11. пр. 1.

⁷ *Х. Кучук-Иоаннесов*, Старинные армянские надписи и старинные
рукописи в пределах югозападной Руси и в Крыму,—„Древности Во-
сточные“, том II; в. 3, Москва, 1903, стр. 63.

В 1037 г. арм. эры=1558 г. н. э. сооружен фонтан в Феодосии с армянской надписью того же года.¹

Несколько иначе обстоит дело с историей заселения армянами волжского края (Поволжья) в пределах древнего *Болгарского*, а позднее и Казанского царства.

Известно, что армянские купцы принимали деятельное участие в торговых сношениях арабов с Болгарским царством, причем в столице последнего в течение нескольких столетий процветала армянская торговая колония.

Пребывание армян в Болгарах запечатлено в ряде некропольных надписей на армянском языке, которые впервые собраны были и дешифрованы, вместе с мусульманскими, по указу Петра I в 1722 г., причем армянские надписи переведены были армянином Иваном Васильевым.² К дешифровке этих надписей впоследствии возвращались *М. Saint-Martin*, *М. Brosset*, *И. Н. Березин* и *С. М. Шнилевский*. Надписей обнаружено было всего 5, с различной датой, начиная чуть ли не с VI века (что, конечно, сомнительно), точнее с X в. и позднее вплоть до XIV в.³

Таково же состояние армянских надписей в Казани, куда „армяне переселились... после разорения Болгар и образовали в ней колонию еще в татарскую эпоху“, причем они там „имели поселение, церковь и кладбище“.⁴

„По армянскому преданию, записанному Высоцким,⁵ Казань была взята Иваном Грозным при содействии именно армян, указавших слабые места татарских укреплений. По взятии города, царь решил всех армян умертвить, опасаясь, что они поступят с русскими так же, как поступили с татарами. Проведав о таком намерении царя, часть армян убежала в различные поволжские города, главным

¹ *Х. Кучук-Иоаннесов*, Армянская надпись в Феодосии, — „Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии“, № 44.

² *Б. В. Миллер*, Об армянских надписях в Болгарах и Казани, — „Известия Российской Академии ист. мат. культуры“, т. IV, Лнгр. 1925, стр. 66.

³ Там же, стр. 66—69.

⁴ Там же, стр. 76.

⁵ ИОАКУ, VII.

образом, в Астрахань, а оставшиеся были умерщвлены. Другое неопределенное указание на какую-то катастрофу, постигнувшую армянскую колонию в Казани, имеется у *М. Рыбушкина*,¹ который пишет: „Известно, что армяне еще в царствование Иоанна Грозного поселились в Казани, но по какому-то случаю почти все были перебиты. Спаслось из них только четыре семейства, кои уплыли в Астрахань“.²

Как полагают, „армянская колония в Болгаро-Казанском крае „преемственно связана“ с теми армянами, которые, несомненно, были знакомы хорошо и хазарам в качестве торговых посредников“.³

В результате связи армян с волжским бассейном могли проникнуть в последний и золотые изделия мастерства киликийских армян, на которые указывал *А. И. Орбели*.⁴

Как бы то ни было, связи армянских купцов с волжским бассейном, которые становятся все более и более интенсивнее, начиная с X в. и вплоть до XVI—XVIII вв., привели к тому, что весь путь из Ирана по Каспию до Астрахани и далее по Волге через Нерехту Костромской губернии до Белого моря и на Скандинавии стал известен под названием „великого армянского торгового пути“ или „армянской дороги“.

Потому-то „армянская дорога“ вошла в русскую поговорку-двустипшие:

Не бойся на армянской дороге воров,
Бойся в Нерехте каменных домов.

¹ Записки об Астрахани, Москва, 1841, стр. 57, прим.

² *Б. В. Миллер*, ц. с., ц. изд., стр. 78—79.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Ср. *«Учредительный Записный»* 1944, № 95.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Армянский пролог о Борисе (Романе) и Глебе (Давиде)

По Синаксарию Тер-Исраэля первой половины XIII века

(Армянский текст и русский перевод)

Армянский текст воспроизведен по изданию: Le Synaxaire arménien de Ter-Israel, publié et traduit par le D-r G. Bayon et S. A. R. le prince Max de Saxe, — „Patrologia orientalis“, t. XXI, Paris, 1880, pp. 397 (1441)—404 (1448); русский перевод принадлежит нам.

Պատմութիւն սուրբ եւ փառա-
ւորեալ վկայիցն Քրիստոսի Դաւ-
րի եւ Ռոմանոսի, որ ի Ռուսի
նահատակեցան յափօրեմ եղբո-
րեմ իրեանց, որ կոչին Պաւրիս
Հիկայ

*История святых и про-
славленных мучеников Хри-
стовых Давида и Романа,
измученных в стране Русов
от нечестивого брата, ко-
торые назывались Паврис
(Борис) [и] (Глеб)*

Աշխարհն Ռուսաց յանհաւա-
տութեան էր մինչեւ ի ժամա-
նակս ինքնակալութեանն Ալէք-
սի, յորոյ անուան նստաւ նո-
ցա թագաւոր Փաւսերոս անուն.
եւ սա հաւատաց ի Բրիստոս եւ
մկրտեցաւ, յորոյ ձեռն դարձաւ
ամենայն աշխարհն ի ճշմարիտ
հաւատն Բրիստոսի:

Страна Русов была в не-
верии до самодержавия [в
Византии] Алексия, во дни
которого воцарился у них
Прамерос (Владимир), и он
уверовал во Христа и при-
нял крещение, [а] через не-
го вся страна обратилась в
истинную веру Христову.

Իսկ նախ քան զհաւատալն՝
մնեալ էր թագաւորն երկոստա-
սան որդիս յայլ եւ յայլ կա-
նանց, յորոց վերայ բաժանեաց
զտէրութիւն աշխարհին: Իսկ
սորա երկոքին համամայր գո-
լով՝ որ կոչեցան յաւազանէն
Դաւիթ եւ Ռոմանոս, բարեբա-
ղոյ էին եւ աստուածասէր քան
զամենայն եղբարսն եւ միշտ
զհանդերձեալ կեանան խոկային
ի տղայական եւ յերիտասարդա-
կան հասակէն մինչեւ սիրելի
լինել ամենեցուն:

До уверования царь имел
от разных жен двенадцать
сыновей, которым и разде-
лял власть над страной. Но
эти двое, будучи единоут-
робными и названы от купе-
ли Давидом и Романом, бы-
ли более благонравными и
боголюбивыми, чем осталь-
ные братья, и, начиная с дет-
ского и юношеского возра-
ста, всегда помышляли о бу-
дущей жизни, за что любя-
мы были всеми.

Եւ անկեալ հայր նորա ի հիւանդութիւն՝ ասպատակեցին յայնժամ ազգն Պիժանկաց յաշխարհն եւ առաքեաց թագաւորն զՌոմանոս ընդդէմ նորա, եւ յայնժամ վախճանեալ իւր ուղիղ հաւատով ի Քրիստոս:

Անդրանիկն յորդոց նորա՝ որում անուն էր Ստապոլկա՝ մերձ հանդիպեցաւ, որ էր այր ժանտ, եւ մախայր ընդ սուրբն Ռոմանոս եւ Դաւիթ, եւ յորժամ դարձաւ Ռոմանոս ի մարտէն, թագուցանէր ի նմանէ զվախճան հօրն եւ հնարէր թէ որպես կորուսցէ զնա, զի ինքն առանց հակառակութեան տիրեսցէ:

Այլ Ռոմանոս լուեալ զվախճան հօրն որդայր, եւ ծանուցեալ զննդութիւն եղբօրն զօրացն թախանձէին զնա յառնել ի վերայ նորա: Իսկ սուրբն ոչ կամեցաւ վասն աւագութեանն, այլ ասէ. «Ատեցի զունայնութիւն կենցաղոյս եւ պատրաստ եմ ի մահ վասն յուսոյն Քրիստոսի»: Եւ մինչդեռ էր ի խորանն իւր արտաքոյ քաղաքին Կիւվայոյ, եւ կատարէին առաջի նորա զառաւօտին աղօթանքանային՝ յանկարծակի հասին ի վերայ զինուորքն առաքեալք յանօրէն եղբօրէն Ստապոլկա եւ հարին սրով զերանհին: Իսկ նա զի ունէր առաջի զտէրունական նկարեալ պատկերն աղաղակեաց առ նա. «Ի քիչ, Տէ՛ր, անձկամ գալ, զի թէպէտ եւ գեղ մարմնոյս իմոյ թառածի ի սրոյս, այլ հոգի իմ փութայ տեսանել զքեզ ցնծու-

И когда отец их впал в немощь, племя Пиданков (Печенегов) вторглось в [их] страну, и послал царь Романа с дружиной против них, и тогда он (отец) скончался в правой вере во Христа.

Первородный из сыновей его, которого звали Стаполкас (Святополк), присутствовал при этой [кончине]. Он был злой, и завидовал святому Роману и Давиду. И когда Роман вернулся с боя, Стаполкас (Святополк) скрыл от него кончину отца и стал выискивать способ, как бы погубить его, чтобы самому господствовать без прекословия.

Роман, узнав о смерти отца, стал его оплакивать. И дружина [его], сообщив ему о коварстве брата, старалась возбудить его против Стаполка. Но святой не захотел этого из [уважения] к старшинству [брата], и сказал: «Я возненавидел суетность своей жизни и готов на смерть ради упования Христова». И пока он был в шатре вне города Кювая (Киева) и священники пред ним совершали утренние молитвы, его внезапно настигли воины; посланные незаконным братом Стаполком (Святополком), и сразили блаженного мечом. Он же, имея пред собою икону с изображением лика Господня, воззвал к Господу: «К тебе, Господи, желаю притти, и хотя

թիւն իմ: Դու գիտես, Տէր, զի անպտուտ մեռանիմ եւ վասն նախանձու, որպէս Աբէլ ի Կալինէ: Այց արա՛ ինձ, վրէժխընդիւր Սատուած: Եւ մինչդեռ փութային գիտցոտեալ մարմինն սպանանել՝ խնդրեաց սակաւիկ մի աղօթել. եւ ասէ. «Փառք քեզ, փառք քեզ, Սատուած, որ գերծուցիր զիս յունայնութենէ կենցաղոյս: Կային որք շուրջն կային զգրկելն իւրեանց ի բարի Տեառնէն, եւ ասէր. «Ո՛վ Բրիւտոս, ոչ կամեցար զփառս աշխարհիս, այլ կամաւ մատնեցիր զանձնդ անիրաւ մահուն:»

Եւ հարին ընդ սրբոյն զմի ի պաշտօնէիցն, որոյ անուն էր Դէորդւ Բարձին ապա գերանելին ի այլ եւ տանէին ի բերդն Վեսուտատն, եւ մինչդեռ կենդանի էր՝ եկին այլ զինուորք առաքեալք յանօրինէն եւ բացին սրով զկոպ նորա, եւ յայնժամ աւանդեաց զնոցին իւր ի ձեռս հրեշտակաց իբրեւ զխուկ անոյլ: Եւ զմարմինն ամին ի բերդն եւ եդին յեկեղեցի սրբոյն Բարսղի:

Ապա առաքեաց հրեշտակս առ համամայր եղբայր սրբոյն Դաւիթ Թէ. «Հայրն քո կոչէ զքեզ: Եւ եկեալ նորա մերձ ի քաղաքին՝ լուաւ զմահ հօրն եւ զինքնայօժար սպանումն եղ-

կрасота тела моего от меча увядает, но душа моя спешит видеть тебя, Радость моя! Ты знаешь, Господи, что я неповинно умираю и ради зависти, как Авель от Каина. Посети меня, Божемститель!». И пока те (воины) спешили убить его, уязвленного, он попросил дать ему немного времени для молитвы, и сказал: „Слава тебе, слава тебе, Боже [за то,] что Ты избавил меня от суетной жизни“. И те, которые находились вокруг него, оплакивали доброго владыку, которого лишились, говоря: „О, Христос, он не захотел славы сего мира, но волею предал душу неправедной смерти“.

Вместе с святым убили [также] одного из служителей его по имени Георгий. Затем положили блаженного на телегу и повезли в крепость Весольятон (Вышгород). И пока он еще был жив, явились другие войны, посланные беззаконным [Стаполком] и обнажили мечом ребра его, и тогда он предал душу свою ангелам, яко кадило благовонное. И ввели тело его в крепость и положили в церкви святого Василия.

Засим отправил [Стаполк] людей к единокубному брату святого—Давиду [объявить], что: „Отец твой зовет тебя“. И когда он (Давид) подошел к городу, узнал

բօրնու Լայր դառնապէս եւ աղի-
ողորմ բանս խօսէր առ եղ-
բայրն. «Լ՛այ ինձ, եղբայր իմ
սուրբ, որպէս զրկեցայ ի քէն
պարապարտուց, այլ դու ունիս
համարձակութիւն առ Տէր.
Ինդրեա առնել զիս քեզ չար-
չարակից եւ փառացդ հաղորդ»:

Եւ մինչդեռ դայր նաւակաւ
ընդ գետն ողբալով՝ եկին զին-
ուորք յանօրէն յեղորէն Ստա-
պօլկայ, կայան դուրսն եւ մինչ-
դեռ աղօթէր հատին զգլուխն,
որ եւ մատեաւ Աստուծոյ պա-
տարազ ամբիծ: Եւ առեալ զմար-
մին երանելոյն ձգեցին յանա-
պատ տեղի ի քարանձաւս վի-
մաց. այլ Աստուած ոչ ծածկեաց
զպատուական գանձն, զի մնաց
մարմինն ամբողջ բաղում ժա-
մանակս եւ անմեռ ի գաղա-
նաց. այլ եւ սին լուսոյ տեսա-
նէին ի տեղին, ուր կայր եւ
ձայնք հրեշտակաց լսէին: Չայս
եկեալ միանգամ եւ երկիցս հո-
վեք պատմեցին. եւ անփոյթ
եղեւ ի լսողացն զայս՝ մինչեւ
որչափ էր իշխանութիւնն անօ-
րինին Ստապօլկայ, զի երկըն-
չէին ի նմանէ: Իսկ ապա ոչ ի
պառ երկայնամտեաց ներողու-
թիւնն Աստուծոյ անօրինին,
այլ վրէժխնդիր եղեւ արդարոցն
ի նմանէ: Եւ գործեցաւ այս ի
ձեռն եղբօրն իւրեանց բարե-
պաշտի, որում անուն էր Ռա-
ստաւլոս. եւ եկեալ բաղում զօ-
րօք ի տեղի նահատակութեան
որբոյն Դաւթի, մատեաւ ընդ
անօրէն եղբայրն եւ փախստա-
կան արար դարմն: Որ եւ ինքն
անօրէնն սատակեցաւ չարաչար:

о смерти отца и о вольном
убиении брата, стал горько
оплакивать их и со словами
жалости обратился к брату:
„Горе мне, брат мой святой,
[мне,] напрасно лишившему-
ся тебя. Но ты имеешь дерз-
новение [попасть] к Господу.
Проси принять меня состра-
дателем твоим и причастни-
ком славы твоей“.

Между тем, как он (Давид),
проливая слезы, плыл в ла-
дье, явились воины от безза-
конного Стаполка (Святопол-
ка), схватили святого, и по-
ка он молился; отсекали ему
голову, и он предстал перед
Богом как непорочная жерт-
ва. И, взяв тело блаженно-
го, бросили его в пустынное
место, в каменные пеще-
ры. Но Бог не скрыл сие
честное сокровище, ибо те-
ло [его] целиком сохранилось
в продолжение многих лет
неприступным для зверей;
так же замечали столп све-
товой на том месте и слы-
шали голоса ангелов. Об этом
однажды и дважды рассказа-
ли пришедшие пастухи; од-
нако, слышавшие пропустили
это мимо ушей, ибо пока
властвовал беззаконный Ста-
полк (Святополк), [все] боя-
лись его. А потом не до
конца потерпело попущенье
Божье беззаконного, но ото-
мстило ему за праведных. И
сие свершилось благодаря
благочестивому их брату, ко-
торого звали Равставлос
(Святослав), который, придя
с многочисленной дружиной

на место мученичества святого Давида, вступил в бой с беззаконным братом и обратил в бегство [его] мужей, а он беззаконный злейшим [образом] был умерщвлен.

Եւ սա բարեպաշտ Ռաւատաւ-
յոս արեւաց ամենայն աշխար-
հին, որ եւ խնդրեալ զնշխարս
երանելեացն ցուցին նմա, եւ
եկեալ յանապատն՝ դռին զմար-
մինն սրբոյն Դաւթի որպէս ի
քուն, բարձին սաղմոսիւք եւ
օրհնութեամբ, եւ բերեալ եղին
մերձ յերանելի Ռոմանոս:

И сей благочестивый Рав-
ставлос (Святослав), завладев
всею страной, стал искать
останки блаженных, которые
и показали ему; и, придя в
пустыню, нашли тело свято-
го Давида как бы спящего,
подняли при пении псалмов
и славословий, и взяли и по-
ложили подле блаженного
Романа.

Սոցա եւս Աստուած մեծ շնոր-
հրս սքանչելագործութեան, եւ
զնորանալատ աշխարհն Ռու-
սաց պէսպէս նշանօք, որ լինի
յիրանելեացն մինչեւ ցայժմ,
հաստատեաց ի գիտութիւն ճշ-
մարտութեան. զի սքա երկո-
քեանս որպէս լուսատուք ճա-
ռողայլեցին ի նոսա զհաւատս
Դրիստոսի ամենահամբաւ սքան-
չելիօքն իւրեանց, յորոց զնեմք
կարճապատ ի կարգ պատմու-
թեան:

Им Бог дал благодать чу-
дотворения, и новообращен-
ную страну Русов различны-
ми знамениями, которые до-
селе происходят от блажен-
ных, утвердил в познании
истины, ибо они оба как све-
тоносцы испустили к ним
(Русам) лучи веры Христо-
вой всеславными чудесами,
из коих [некоторые] кратко
упомянем в ходе повество-
вания.

Եկին երբեմն զինուորք յեկե-
ղեցի սրբոյն Բարդի աղօթիւ,
եւ երանելիքն դեռ եւս չէին
հոգեկեալ, եւ մինն ի նոցանէ
իւ անզգուշաբար ի վերայ տա-
պանի նոցա Յայնժամ կամօքն
Վատուծոյ, որ կամեցաւ զնո-
ցա սքանչելիս երեւցուցանել,
հուր ցոլեաց ի տապանէ սրբ-
ոցն ակներեւ բազմաց եւ հա-
րեալ խորշատեաց զոտս առն,
որ արհամարհանօք մերձեցաւ ի
վկայսն Դրիստոսի: Եւ յայնմ հե-

Как-то воины пришли в
церковь святого Василия по-
молиться, пока еще блажен-
ные не были прославлены. И
один из них (воинов) неосто-
рожно ступил на их раку.
Тогда, по воле Бога, захотев-
шего показать чудеса их, из
раки святых блеснул огонь
на глазах у многих и пора-
зивши опалил ноги [того] му-
жа, который с презрением
приблизился к раке Христо-

տէ ամինեքեան զգուշանային
տապանի սրբոցն ուր եղեալ էին
սուրբ նշխարք նոցա:

Յետ այսորիկ սակաւ քառուրդ
անցին եւ հուր վառեցաւ յեկե-
ղեցին սրբոյն Բարսղի, պատ-
մեցին եպիսկոպոսին Յովհան-
նու զայս, եւ փութացաւ ազ-
գեաց թագաւորին եղբորն իւ-
րեանց Ռաւստաւու, որ եկեալ
հանդերձ եպիսկոպոսան հրաց
զտապան վկայիցն եւ հտես զնո-
սա պայծառ զիմօք որպէս ի
քուն: Բարձին ապա երկիւղա-
ծութեամբ եւ փոխեցին յայլ
փոքր մատուռն մերձ յեկեղեցին
եւ եղին բարձրագոյն յերկրէ:

Այր ռմն զոս ստամբն Մեռո-
նէոս անուն յեցեալ ի փայտ
զնաց առաջի նշխարաց նոցա
հաւատով: Երեւեալ ապա սրբ-
ոցն ասեն ցնա ի տեսիան.
«Մեռոնէ՛, զի՞նչ խնդրեա՛: Եւ
ցուցեալ զոտան ասէ. «Տեսաք,
զբժշկութիւն»: Զոր կնքեալ
սրբոցն եւ զարթեաւ բժշկեալ՝
վազէր խնդութեամբ եւ ասէր.
«Տեսի՛ զսուրբ վկայն եւ զԳէոր-
գէոս առաջի նոցա լապտերով»:

Էռեալ զայս ռմն կոյր գնաց
յեկեղեցին եւ մերձեցուցեալ հա-
ւատով զաչան ի տապան՝ առ-
ժամայն հտես եւ փառս տայր
Աստուծոյ:

вых мучеников. И с тех пор
все остерегались раки свя-
тых, куда положены были
святые останки их.

По прошествии нескольких
дней загорелся огонь в церк-
ви святого Василия, о чем
рассказали епископу Иоанну,
и он поспешил сообщить об
этом царю, брату их (свя-
тых)—Равставлу (Ярославу),
который, придя вместе с
епископом, раскрыл раку му-
чеников и увидел их с сияю-
щими лицами, как бы спя-
щих. Затем со страхом под-
няли их и перенесли в дру-
гую малую часовню близ
церкви и положили выше от
земли.

Муж некий с иссохшими
ногами по имени Миронеос
(Миронег), опираясь на пал-
ку, пошел к мощам их с ве-
рою. Святые, явившись в ви-
дении, сказали ему: „Миро-
нэ! чего ты ищешь?“. А тот,
показав ноги, сказал: „Вла-
дыки! исцеления [ног]“. Свя-
тые осенили его крестным
знамением, и он проснулся
исцеленным и бежал в радо-
сти и говорил: „Я видел свя-
тых мучеников и перед ни-
ми Георгия со светильни-
ком“.

Некий слепой, услышав это,
пошел в церковь и, с верою
устремив глаза на раку, тот-
час же прозрел и славосло-
вил Бога.

Եւ նախասացեալ Մեռոնէոսն առեալ զղուսաւորեալ կոյրն ընդ ինքեան՝ գնաց պատմեաց զլսաքանչելիսն թաղաւորին, եւ նա գոհացեալ զԱստուծոյ եւ կոչեալ զեպիսկոպոս տեղւոյն զՅովհաննէս՝ անդէն վաղվաղակի շինեաց յանուն սրբոցն տաճար վայելուչ հինգգմբեթեայ, եւ անդ փոխեցին զնշխարուն, եւ հաստատեցին տօն մեծի յուլիսի ի՛ր կատարել զյիշատակ սրբոցն ամ յամի:

Եւ մինչդեռ զխորհուրդ սուրբ պատարագին ի նաւակատիս տաճարին յաւուրս տօնին կատարէին՝ սահեալ անդամալոյծ մի մերձեցաւ ի տապանն եւ առժամայն բժշկեցաւ: Որոյ աւանատեսս եղեւ թաղաւորն եւ ամենայն հանդէսն եւ փառս տալին Աստուծոյ, որ սքանչելի է ի սուրբս իւր:

Այր մի համր եւ անդամալոյծ որոյ ոչ էր սրունք՝ եկն ի տաճար սրբոցն եւ կերակրէր ընդ աղքատս յողորմութենէ հաւատացելոցն: Սա ի տօնի սրբոյն Նիկողայոսի գնաց ի դրունս պատուողին զտօնն, եւ ոչ եզիտողարմութիւն, անդէն ի քուն եմուտ, եւ տեսանէր զինքն որպէս յեկեղեցին եւ զսուրբ վըհայան զի եկեալ արտաքս ի խորանէն կնքէին զբերանն եւ զոտսն: Եւ տեսեալ մարդկանն՝ զնա ի զարհուրանս տեսեանն՝ կարծէին եթէ ի զիւէ է, բարձին եւ տարան յեկեղեցի սրբոցն:

А вышеупомянутый Меронеос (Миронег), взяв с собою прозревшего слепого, пошел и рассказал царю о чудесах. Царь же воздал благодарность Богу и вызвал местного епископа Иоанна, [а затем] спешно соорудил благолепный храм во имя тех святых, пятикупольный, и туда перенесли мощи их, и утвердили большой праздник 24 июля, [для того, чтобы] из года в год поминать святых.

Между тем, когда в день [установленного] праздника совершалось освящение храма, во время таинства святой литургии, какой-то паралитик приполз к раке и тотчас же получил исцеление. Очевидцем этого был царь и все присутствовавшие, которые прославляли Бога, который дивен есть во святых своих.

Муж некий, немой и ослабленный, который лишен был голени, пришел к храму святых и питался вместе с нищими от милостыни верующих. Он в праздник святого Николая пошел к дверям [храма] чествуемого, но не обрел милостыни, там же заснул и увидел во сне себя [стоящего] как-бы в церкви, а также святых мучеников, которые, выйдя из алтаря, осенили крестным знаменем уста его и ноги. Люди видели, как он был в

իբրեւ դմեռեալ, եւ ակն ունէին տեսանել սքանչելիս: Յայնժամ եղեւ նշանք սքանչելի, զի ակն երեւ ամենայն մարդկանն ի թմբրել անդամալուծին ծնկացն արտաքս գայր սրունք եւ թաթ որպիս զնորածնի տղայի, եւ ի սահման ժամու միոյ փոքր փոքր կատարեցաւ եւ եղեւ լոտն կատարեալ մարդոյ: Եւ ապա յինքն եկեալ այրն ծանեաւ զբժշկութիւնն, եւ պատմեաց զսքանչելիսն:

Յայլ քաղաք ի նոյն աշխարհի՝ այր ոմն կոյր գնայր օր քատ օրէ ի տաճար սրբոյն Գէորգայ եւ խնդրէր հաւատով բժշկութիւն: Եւ երեւեցաւ նժառուրն ի տեսեանն եւ ասէ. «Այր, դու զի՞ թախանձես զիս, զի գիտես եթէ յաշխարհին Ռուսաց Աստուած սրբոյն Ռոմանոսի եւ Դաւթի ետ շնորհս բժշկութեան: Եւ զարթուցեալ ի տեսեանն փութապէս եկն ի տաճար երանելեացն եւ մերձեցեալ հաւատով ի տապանն՝ առ ժամայն եզիտ զբժշկութիւն, եւ տեսանէր եւ օրհնէր զԱստուած:

Եւ են այլ սքանչելիք սրբոցն գրեալ ի կատարեալ պատմութիւնն իւրեանց եւ կատարեն նշանս մինչեւ ցայսօր: Որոյ բազումք ի մերոյ աշխարհէս տեսողք եղեալ պատմեն մեզ:

ужасе от видения, и думали, не от беса ли это, подняли и понесли его, как мертвого, в церковь тех святых, в ожидании видеть чудо. Тогда произошло чудесное знамение, ибо на глазах всех из одеревеневшего ослабленного колена выступали наружу ступня и голень, точно у новорожденного дитяти, и в течение одного часа мало-помалу выросла и сделалась как нога взрослого человека. И когда он пришел в себя, признал исцеление и рассказывал о чудесах.

В другом городе той же страны [Русов] некий муж слепой ходил изо дня в день в храм святого Георгия и с верою просил исцеления. И явился ему в видении святой и сказал: „Муж! О чем ты молишь меня? Разве ты не знаешь, что в стране Русов Бог святому Роману и Давиду дал благодать исцеления?“. Проснувшись после видения, он поспешил в храм блаженных и, с верою приблизившись к раке, тотчас же получил исцеление, стал видеть и благословил Бога.

И много других чудес [совершенных] теми святыми, описаны в полной их истории, и чудеса совершаются и поныне. Об этом же рассказывают нам другие из нашей страны бывшие очевидцами.

Եւ թագաւորեալք յիտ Ռաւ-
ստաւու մահուանն սրդիքն իւր
Բլատիմոս եւ Մաւնամախ, որք
առաւել՝ քան զհայրն իւրեանց
պատուեցին զսուրբսն, սորա
պանուծեցին զտապան սրբոցն
սակաւ եւ արծաթով, եւ տա-
ւարն նորոգ պայծառացուցին
ի թուականութեան Հայոց ՌԻԱ,
եւ մեծաւ հանդիսիւ կատարին
գաօն նոցա ամենայն Ռուսք
բազում անգամ ի տարւոջն, զի
յամենայն տօն զեղուն շնորհք
բժշկութեան առ ամենայն ախ-
տաժէտս եւ ցաւապենալս:

После смерти Равстава
(Ярослава) воцарились сыно-
вья его Блатима (Владимир)
и Мавнамах (Мономах), ко-
торые еще больше, чем их
отец, чествовали святых. Они
украсили раку [с мощами]
святых золотом и серебром,
а храм возобновили, придав
ему большее благолепие, в
лето армянской эры 621
(=1173) и с большим торже-
ством вся Русь празднует
память их много раз в году,
ибо в каждый праздник из-
ливается благодать исцеле-
ния ко всем недужным и
немощным.

